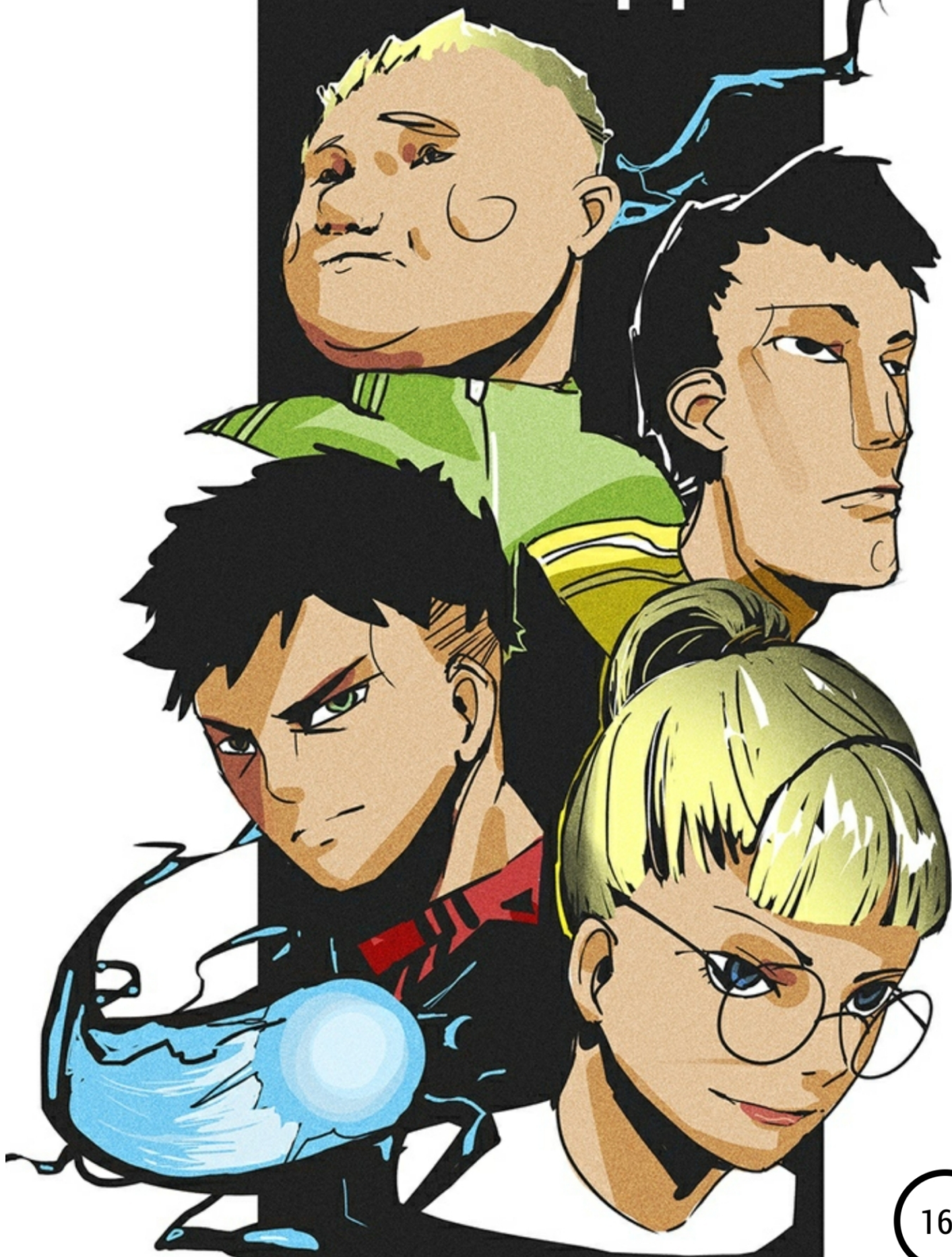

ТРИ + ОДНА

Петр Ингвин

16+

Петр Ингвин
Три плюс одна

«Автор»

2018

Ингвин П.

Три плюс одна / П. Ингвин — «Автор», 2018

Страдать от неразделенной любви постоянно кто-то мешает: то нанятые неизвестной структурой бандиты, то непонятные невидимые существа, то интриги иностранных разведок, то фанатики-националисты... Преодоление себя кует характер, совместные приключения сближают, и неразделенная любовь потихоньку расстается с приставкой «не». И пусть героиня предпочла умному честному герою мускулистого красавца-словоблуда. Это ничего не значит. Завоевать любовь, спасти мир, познать высшую истину — герой на то и герой, чтобы невозможное сделать возможным. (Автор обложки - Kizukuro)

© Ингвин П., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Чертовщина из «ящика»	8
Глава 2. Последний риск	16
Глава 3. Поручики и падежи	18
Глава 4. Шашлыки, русалки, невидимки	25
Глава 5. Террористы и украденные шашлыки	31
Глава 6. Купальники, плот и амбалы	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Петр Ингвин

Три плюс одна

Все современные герои, события и факты в романе – вымышленные.

Все исторические герои, события и факты – подлинные.

Пролог

Его роль в грядущих событиях выглядела здорово. Человек, который спас Землю. Возможно, ему дадут Нобелевскую премию мира. Или его именем назовут другую премию, новую, которая по значимости превзойдет Нобелевскую. Единственное, что не давало насладиться моментом – непонимание, почему великие истины, у которых, казалось бы, не может быть иного толкования, другие люди воспринимают как несусветную чушь. Кастусь спорил даже с отцом, обычным сельским работником, под старость переехавшим из Беларуси к дочери в Россию. Родная деревня находилась неподалеку от города Глубокое, где стояла полуразрушенная стела – напоминание, что именно в Великом Княжестве Литовском была принята вторая после Соединенных Штатов Америки конституция. Кто об этом помнит, кто рассказывает детям, чтобы гордились, и внукам, чтобы возродили былое величие?

– Чем предлагаешь гордиться? – не понимал отец. – Конституцией или демократией? В греческих демократиях каждый третий был рабом, а женщины и дети фактически тоже были рабами. Нынешние демократии ничем не лучше, только фиговый листок у них побольше, от пяток до макушки. Гордиться конституцией? А она что же, спасла от чего-то или дала кому-то свободу? Та же американская конституция принималась, когда рабство было нормальным явлением, и его даже не упомянули, настолько оно казалось естественным, и женщины не были гражданами, поэтому их тоже не упомянули. Конституции принимаются теми, кто захватил власть, и пишутся под себя, чтобы власть удержать. Не вижу повода для гордости.

Грандиозные успехи и победы прошлого тоже никак отца не трогали.

– Гордиться великим прошлым? – каждый раз распалялся он, едва Кастусь заговаривал о славной истории Великого Княжества Литовского. – Гордиться тем, что мы потомки тех самых литвинов, чье происхождение никем не признается, потому что государство с названием Литва спокойно живет по соседству? Если это единственный повод для гордости...

– Но ты гордишься тем же – великим прошлым, только чужого народа.

– Своего!!! – кричал отец, словно Кастусь отбирал у него последнее. – Наш отказ от мечты отцов, от достижений и подвигов нашего... да, Нашего Великого Народа – это успех врага, которому категорически не нужно наше величие. У нас украли прошлое, теперь крадут остатки будущего. Постой, не криви рожу, знаю все, что ты скажешь, миллион раз слышал по радио от тех, кто предпочитает любить родину из-за границы и за деньги. Но это мы запустили первый спутник и первыми полетели в космос! Это мы победили французов, немцев, турок, шведов и еще кучу других великих народов и племен, кто приходил на нашу землю! Повторяю – Нашу! Всю! Намного большую, чем та, о которой ты гредишь в самых смелых мечтах. Мы создали самую великую и огромную страну в истории человечества. Мы – все вместе – создали атомные станции и ракеты. Это нас еще вчера боялся и уважал весь мир – в зависимости от того, враг он или друг. Где сейчас это все? Почему мы отказались быть великим народом и приняли на себя участь обиженных? Кто украл у нас нашу историю и наши победы? Ты хочешь независимой великой Литвы в пределах Великого Княжества Литовского? Ее не будет. Не будет у нее тех территорий, как в ее лучшие годы, не будет величия, будет только независимость. Кому будет служить завоеванная ценой многих жизней независимость? Местным политикам и олигархам, они и будут процветать, а независимый от прежнего величия народ будет беднеть, гибнуть и залезать в долги. А потом одна часть народа будет резать и жечь другую, потому что та неправильно поняла дарованную независимость. Или еще за что-то. Когда все плохо, всегда требуются враги, которых можно во всем обвинить, и врагов будут находить в народе до тех пор, пока будет оставаться народ. А потом не останется никого, потому что все, как окажется, погибли в борьбе за величие. И у твоей земли появятся новые хозяева. Тебе нужно это? – А в

конце споров на тему истории отец всегда читал нотацию: – В древности, говорят, существовал золотой век. Так что же теперь – всем повыбрасывать штаны и переселиться в пещеры?

Эх, был бы здесь хотя бы Мирон – единственная родная душа, на кого можно положиться...

Глава 1. Чертовщина из «ящика»

Три плюс одна. Вычесть лишних, должно равняться двум. К общему сожалению, уравнение на выходе давало четыре унылые единицы, что для каждого равнялось нулю. Странная математика, но другой не было, отношения трудно поддаются расчетам.

Грабли в руках Ника скребли землю, будто сдирали кожу. Личность воображаемого недруга тайны не составляла, у всей тройки – Ника, Мирона и Аскера – это был один человек. И он был рядом.

– Естудэ-э-эй... – разносилось над опушкой, и лес отвечал глухим эхом, – оу май траблз симд со фа-а-ар эвэ-эй...

Забравшийся на пригорок Толик копировал оригинального исполнителя: волосы развевались, подобранная с земли ветка изображала гитару. Правая рука держала «гриф», а левая стегала по воображаемым струнам – мерзавец-перфекционист учел даже то, что Маккартни – левша. За это Ник ненавидел его еще больше. Не сэра Пола, естественно.

Одного с Ником среднего роста, Толик абсолютно не походил на него в остальном: у Ника волосы были темные и короткие, у всеобщего университетского любимчика – светлые, длинные, иногда схваченные сзади в хвост, а сейчас отданные на волю ветра. Толик умел подать себя. В меру накачанный красавчик с проблесками интеллекта, столь же редкими, сколь, надо быть честным, незаурядными. Обидно, что острота ума направлялась исключительно на удовольствия – убойные шуточки влекли девчонок, как запах шашлыка – бродячих псин. Ни за что не понять, как умная рассудительная Луиза могла запасть на такого.

Наташа Ростова обожглась на Курагине и досталась Пьеру. Это хоть как-то утешало. Хорошо смеется, как известно, последний.

Не утешало. Очень не хотелось быть в очереди последним, но на вопрос, что лучше – стать для Луизы никем или последним, ответ имелся, он был единственный и хоть как-то примирял с реальностью. Не можешь ничего сделать – жди, как говорят китайские мудрецы, и мимо проплывет труп врага. Ник не считал Толика врагом. Скорее, не по праву удачливым соперником. Не по праву, поскольку личной заслуги в богатых родителях, статной фигуре и смазливой физиономии не усматривалось. С другой стороны, Луиза тоже не виновата в том, что желанна не менее мороженого в жару, и поговорить с ней умному человеку – одно удовольствие. Но то – Луиза, а то – слащаво-приторный «мажор», только слепой не увидит разницы. Ник удержал вздох – нельзя показывать чувства окружающим, это смешно и глупо. Достаточно скосить взор на Мирона: нервные движения не соответствовали комплекции, желваки на сосредоточенном полноватом лице елозили, как мыши под ковриком, щеки покрылись пятнами. Да, смешно и глупо. Возникла зависть к Аскеру: как умудряется делать вид, что ему все равно? Это у горцев в крови, что ли?

Плотная фигура Мирона размашисто двигалась с косой в руках в нескольких шагах впереди, в полете косога острия кроме двойной энергии проявилась злость – чувствовалось, кто представляется на месте стебельков.

– Опять выпендривается, – покосившись на Толика, процедил Мирон едва слышно.

– Когда на тебя столько девчонок смотрит, и ты бы выпендривался, – также негромко выдал работавший рядом с Ником Аскер.

Ник осторожно обернулся: вдруг Луиза услышит? Нет, возившая граблями метрах в пяти позади, она вместе с другими девушками отвлеклась на «певца».

– Что ты хочешь сказать? – Мирон остановился, его ноги заняли позицию, словно готовились к драке, а коса угрожающе приподнялась. – Они всегда смотрят, но я, в отличие от некоторых, не выпендриваюсь.

С толстыми бедрами и покатыми плечами Мирон нисколько не походил на бойца. Продолжение пикировки вызовет разве что снисходительные ухмылки со стороны, и Ник поднял руку:

– Предлагаю вычеркнуть глагол «выпендриваться» из лексикона, сегодня он исчерпал лимит.

Занудством от таких разговоров пахло только для посторонних. Луиза оценила бы остроту, но ее взгляд и мысли приковал лицедействующий выпендрежник. Руки Луизы сложились на торце граблей, взор затуманился, сознание унеслось в мечты.

Обидно до чертиков, а ничего не поделать. Ник переглянулся с приятелями, взгляды опустились, работа закипела с удвоенной силой.

Запах скошенной травы сносил голову, глаза слепило – солнце в сентябре словно оправдывалось за лето. Зелень местами пожухла, но кланяться осени отказывалась категорически. Под обжигающими лучами поля превратились в фантастический пейзаж, дуга асфальтовой улыбки заставляла лес довольно шуриться, природа будто бы обнимала, наставительно целуя в макушку и благословляя на непредставимые в бетонных коробках безрассудства. Окружающее напоминало декорации фильма про любовь, где все так, как обожают девчонки: в центре кадра – романтический герой в ореоле славы, вокруг – обожающие почитатели и претенденты на долю внимания, мир сверкает, зрители – в ауте. Картинка долго не сотрется из памяти, вызывая нужные ассоциации. Почему у Толика это выходило естественно, а сотвори подобное Ник или кто-то из приятелей – позора не оберешься?

– Оу е-эстудэ-эй кам са-адднли-и... – зычно несло над головами.

Парни хмурились, девчонки млели. Единственная взрослая в рассаднике наивности и тестостерона – Вера Потаповна – глядела на Толика с нежностью: видимо, напоминал кого-то из далекой юности. Упреков, что работа стоит, не последовало, вместо этого Вера Потаповна с удовольствием слушала певца, обмахиваясь списком присутствующих. Галочки проставлены, отсутствующих ждет наказание, а присутствующих – автобус, готовый отвезти обратно в город. Спасавшийся от жары водитель спал внутри. Вольности студентов, уставших от добровольно-принудительного превращения из обезьяны в человека, возражений больше не вызвали: выделенный участок убран и обихожен, остались последние штрихи.

Фаня, старшая сестра Луизы и однокурсница Толика, взялась подпевать:

– Нау ай нид э плэйс ту хайд эвэй...

Сорванная колючка выступила в роли микрофона.

Ник косо глянул на «бэк-вокалистку». До Луизы Фаине – как раку до золотой медали на олимпиаде по свисту. Старшая сестра в чем-то напоминала младшую: похожие волосы ниже плеч, средний рост, влекущие обводы... Но: лицо – более вытянутое, цвет волос не русский, а темный, и, главное, голос... Не милое сердцу грассирование, а нечто грудное, обволакивающее, в чем тонешь без спасательного круга любви к другой. Даже не считая лезущих в глаза достоинств по части, противоположной интеллекту, одним лишь голосом Фаня могла заполучить любого. Могла бы, но не пользовалась колдовской возможностью, за которую другие полжизни отдадут. Она встала чуть позади Толика: дескать, ни на что не претендую, к царским лаврам не примазываюсь, просто побуду рядом, пока место не занято. Как давно понял Ник, сестер сразила одна беда, Фане тоже нравился Толик. Не мог не нравиться, если с упорством, которое граничило с мазохизмом, Фаня ежеминутно оказывалась рядом.

В отличие от Луизы ее сестра умело скрывала болезнь. Выдавала за дружбу. То ли склад характера, то ли возраст и опыт научили, а чувства прорывались только во взглядах, когда они испепеляли очередную конкурентку. Статус одной из приближенных Фаню устраивал – на большее рассчитывать нельзя, меньшего не хотелось.

Таких, как Фаня, вокруг университетского лидера вилось с десяток. Кто-то вылетал, кто-то добавлялся. Фаворитками, как правило, становились первокурсницы или девушки со сто-

роны. После быстрой отставки они, как правило, оставались в сфере доступности кумира, подхваченные его друзьями. Такая судьба Фане не грозила: о притягательном для Толика эффекте новизны речи не шло, приходилось рассчитывать на что-то другое. Способ нашелся. За счастье быть рядом Фаня боролась в роли наперсницы и всепонимающей подруги, которую без проблем для достоинства можно попросить о самом невероятном... и она поможет.

Приятной во всех отношениях сестру своего идеала Ник не считал, все лучшие качества перечеркивало брезгливое неприятие ее выбора.

Продолжая надеяться или просто доказывая, что чего-то стоит, Фаня работала на уборке в одном купальнике. На внешность ей жаловаться не приходилось, мужскими стоп-сигналами она обзавелась еще в младших классах и с тех пор бравировала к месту и не очень, когда считала, что этот аргумент перевесит прочие. Случай, видимо, настал. Соперницы большей частью были в обвислых «трениках» и майках с пятнами пота, кто-то поздноватого подвернул запачканные джинсы, а Фаня – вот она, в сказочных подробностях, со всеми созревшими и маявшими от бесхозности выпуклостями. Грабли с перчатками остались в траве, Фаня чувственно выгнулась, добавляя харизме главного исполнителя живенького антуража. Неизвестно, было ли у них что-то, на отношениях это не сказывалось. Толик с Фаней казались просто приятелями – такими же, как троица поклонников Луизы с предметом поклонения.

– Смотрите! – Мирон застыл на месте, большие выпуклые глаза моргнули, палец указал в поле.

Ник с Аскером резко обернулись: среди трав виднелось движение.

– Ветер, – сказал Ник.

Интуиция пнула, намекая, что это не так. Но если не так, то как? Трава в поле расходилась и вновь смыкалась, будто шел человек. Но человека не было.

Прочую студенческую братию занимал кривлявшийся Толик, лица глядели в другую сторону.

– Зверь бежит, – сгребая последнюю копну, авторитетно заявил Аскер.

Версия Нику понравилась, иначе пришлось бы усомниться в рассудке.

– Какой зверь? – Мирона объяснение не устроило. – Там не выше колена. Видишь хотя бы спину?

– Лиса. Или кошка. – Аскер пожал плечами, непонятное явление его больше не интересовало.

– Для кошек мы далековато от жилья.

– Может, она из «ящика»?

«Почтовым ящиком» или просто «ящиком» по перешедшей от родителей привычке звался закрытый объект, в далекие советские времена иного адреса не имевший. Закрытый-то закрытый и секретный, но как студентам из близлежащего городка не знать, что находится внутри, если хотя бы один родитель в каждой семье работал в «ящике»? Расположенный за городом секретный объект двигал вперед науку, лаборатория сидела на лаборатории в прямом смысле – этажи, как утверждали слухи, уходили далеко вглубь. Часть исследований имела стратегический характер, отсюда меры безопасности: объект окружали два периметра, один в другом, радиусом по несколько километров. Внешний забор – обычная сетка-рабица с воротами на единственной дороге. Заросшая лесами зона между внешним забором и внутренним периметром не принадлежала «ящику», ее огородили для уменьшения количества праздно шатающихся и чтобы посторонний транспорт не достигал основной линии охраны. У ворот на соединяющей с городом трассе, где сейчас трудились снятые с занятий студенты, скучал дежурный. Днем он проверял пропуски, на ночь ворота запирались на замок.

Для внешней зоны посчитали достаточным расставить надписи «Охраняемая территория, вход воспрещен». В одном месте ограду прерывало озеро с незамысловатым названием Нижнее, местные пользовались этой особенностью и отправлялись за забор вплавь или на рези-

новых лодках по грибы, на рыбалку и просто за приключениями – в глубине зоны имелось еще одно озеро, Верхнее, с немыслимой красоты окрестностями, песчаным пляжем и пещерами в лесу. Молодежь обожала там отыхать, паломничество не прерывалось весь теплый сезон. Военные на творимое безобразие смотрели сквозь пальцы. Главное, чтобы никто не покушался на второй периметр – с высоким забором под током, контрольно-следовой полосой, инфракрасными камерами и прочими тепловизорами. Туда и не совались, и что происходит на последних километрах перед лабораториями, никто не знал. А кто знал, давал подписку категории «Особой важности», что круче всяких «Секретно» и «Совершенно секретно» как двойная полоса на дороге: и с одной обгонять нельзя, а с двумя – ну вообще нельзя.

Недавно в «ящике» что-то произошло. Нет, не беда типа «катастрофа», как сразу приходит в голову, когда рассказывают о секретных объектах. Наоборот. Местные ученые совершили некое открытие, прорывное и чуть ли не эпохальное. Большого сказать никто не мог, причастные загадочно улыбались, а в город, о котором забыли все, кроме жителей (да и последние, чего греха таить, иногда махали на все рукой), собрался приехать Президент. Именно так, с большой буквы – не глава какой-то фирмы или госкорпорации, а тот единственный, что с красной кнопкой в чемоданчике. Городские власти всполошились, на уши поставили всех, кто хоть как-то от них зависел.

Ник с приятелями очень даже зависели, потому вместе с прочей студенческой братией оказались на уборке трассы за городом, где вскоре проедет глава государства.

– Если это кошка, то с подозрительно широким шагом. – Мирон стоял на своем. – Очень большая кошка.

– Кошки умеют прыгать, – оскалился Аскер во все тридцать два крупных зуба.

– Почему не видно прыжков? – не сдавался Мирон. – И странные у нее прыжки получаются – зигзагом влево-вправо, как шаги у человека, только без человека.

Он выразил вслух мысли Ника. Выходит, интуиция права, не привиделось.

– Наверное, это пьяная кошка. – От пробежавшего по спине холодка Ника понесло в юмор.

– Хочешь сказать – ее шатает? – Мирон с сомнением прикусил губу.

Аскер перенял шутливый тон Ника:

– Если кошка двигается с секретного объекта, то, чтобы не быть подстреленной, она должна, как минимум, уметь ползать по-пластунски.

Ник поддержал:

– Кошка с секретного объекта может выглядеть как змея и передвигаться соответственно. Откуда ты знаешь, во что там превращают кошек?

Далекое движение прекратилось так же внезапно, как началось.

Участок дороги, порученный университету, уже лоснился бритыми обочинами, чернели в ожидании грузовика мешки с мусором, образуя похожие на ежевику-мутанта пузатые горки. Сквозь эти горки и свежие копны к спрятанным в лесу госсекретам пробирался асфальтовый змей автотрассы, его голова заглядывала в дебри за хлипкой оградой первого периметра, а хвост терялся в далеком отсюда городе. Полчаса езды – или три часа хода пешком – и можно оказаться дома, за любимым компьютером или на диване с книжкой в руке.

Вместо родных стен глаза видели довольного жизнью соперника, а уши слышали с этой минуты ненавистное:

– Оу аай билии-ив ин е-эстудэ-э-эй...

Большинство студентов и, что намного обиднее, студенток продолжало глазеть на фиглярство местного заводицы. Мирон вновь орудовал косой с усердием палача: остаткам травы головы сносило по самые щиколотки.

– Побил бы, да зубы жалко? – съехидничал Аскер.

Ник покачал головой: нехорошо насмехаться над товарищем, особенно так плоско, затерто и по поводу, по которому тот не сегодня-завтра посмеется над тобой. Для Аскера, низенького и щуплого, это было актуально.

– Я мог бы ответить разными способами, как логично-непечатными, так и сугубо иррациональными, – сдержанно выдал Мирон, – но предпочту закрыть тему ключевым вопросом математики: не все ли равно?

Ник с облегчением выдохнул: миру мир.

Работа возобновилась.

Бензиновую технику – газонокосилки и триммеры – организаторы студентам не доверили, инструмент бесплатной рабочей силы составляли грабли, косы и метлы. С косой умели управляться четыре старшекурсника, которые по соседству сейчас тоже изображали маятники, и Мирон – каждое лето у него проходило в деревушке на границе с Литвой, где родственники учили жить с природой в ладах. Ник, Аскер и Луиза довольствовались граблями. Их четверка работала отдельно, по приезду на участок все привычно разбилось на группки: мажоры, умники, индивидуалы и балбесы.

Ник с Мироном, Аскером и Луизой составляли категорию умников. Из чужих уст звучало обидно, но смысл радовал. К примеру, оказаться балбесом не хотелось просто из-за названия. Индивидуалов в постоянном броуновском движении сбивало в кучки и быстро разносило, они держались нейтрально, существовали неинтересно, а если в их среде вспыхивали звезды, везунчиков втягивало гравитацией прочих группировок.

Мажоры у прочих вызвали завистливое презрение с упором на прилагательное. Кому не захочется нестись по жизни с ветерком, разбрасываться купюрами и собирать падающие к ногам приятные нежданчики – совершенно незаслуженные, но бесконечные? В круг избранных вели два пути. Первый измерялся деньгами и родительскими возможностями, второй – особыми личными качествами, которые требовались сообществу на данный момент. С исчезновением у новичка денег или потерей интереса к нему дверь в самопровозглашенную элиту закрывалась. Мажорная тусовка не ограничивалась учебной группой или курсом, она включала весь университет, а вне стен альма-матер расширялась многократно за счет таких же из других заведений и временно вовлеченных. К тем, кто не свой, мажоры относились высокомерно, считали лохами и нищebroдами.

Ник, с мамой-учителем и папой-врачом из детской поликлиники, как типичный представитель лохов-нищebroдов обходил бы заносчивую компанию за километр, но нечто неподвластное воле держало Луизу на опасном расстоянии к их лидеру. Словно планету около светила – кружило по эллипсовидной орбите, то приближая, то отталкивая, но не отпуская в свободный полет. Планетарным спутникам не оставалось ничего другого, как следовать природе с покорностью обреченных: аналогично ходить вокруг, ворчать сквозь зубы и на все соглашаться.

Едва закончилось пение, со стороны «балбесов» послышалось:

– Слыхали про макаку во фруктовом отделе? В ящиках с бананами жуки и пауки из теплых стран и раньше приезжали, но чтобы целая обезьяна...

– Причем, живая!

– У меня папа в том супермаркете охранником работает, он рассказал, что ее сразу забрали в «ящик».

– Лучше бы в зоопарк отдали. Бедная обезьянка.

– Где ты у нас зоопарк видела?

– Потому и нет зоопарка, что каждую животину сразу в лабораторию везут.

Разговор велся громко, слышали все. Луиза обернулась к поклонникам-приятелям, глаза ожили лукавством, на любителей слухов указал мах головы: «Чем бы дитя не тешилось...»

Солнце и так сильно светило, но будто вышло вторично. О том, что он улыбается, Ник почувствовал, когда заболели скулы. Мирон покраснел, Аскер кивнул. Дескать, нашли, о чем говорить, одно слово – балбесы.

Вокруг «умников» студенты уже бросали орудия труда и растягивались на травке, подставляя тушки солнышку: работа сделана, на большее не подписывались. Кроме Фани еще две девушки из той же тусовки с удовольствием продемонстрировали свои купальники. Точнее, себя в купальниках. Парни, кто не стеснительный, давно щеголяли голым торсом. Тот же Толик. Правда, рубаху он не снял, только расстегнул, чтобы скромные мышцы оттенялись поджарым прессом. Над подобной красотой хилому Нику работать и работать, а полноватому Мирону, к примеру, даже не мечтать. У Аскера, в отличие от приятелей, на животе даже кубики виднелись, но миниатюрность общего сложения сводила эффект на нет – девушкам нравились масштабы. Чтобы не нарываться на шутки про микроскоп, Аскер кутался в черную с белыми полосками спортивную куртку. Мирон скрывал тела под похожей «спортивкой», только обширной и, как все у него, бело-красной – намек на геральдические цвета милого его сердцу Великого Княжества Литовского, о котором все уши прожужжал.

Ник гордо нес костюм черно-желто-белых тонов. Покупая в свое время, сначала он выбрал бело-сине-красный с двуглавым орлом, но имперские цвета сразили наповал, рука сама потянулась за деньгами.

Из их четверки только Луиза пришла не в спортивной форме, как требовали организаторы уборки, а в джинсах и футболке, как большинство девчонок. Так же поступили некоторые парни, особенно из мажоров. И только Толик, если вернуть лимитированный глагол, выпендрился: прибыл как на свадьбу, в лаковых штиблетах, джинсах и белой рубашке. Собственно, он и не утруждался в работе, продолжая чувствовать себя как на свадьбе. Толик мог вообще не ехать, с него все как с гуся вода, но так уж совпало: золотая молодежь собралась за город, и вдруг явился повод пофорсить и первокурсниц поклеить – вне родных стен сдерживающие факторы у женской половины странным образом таяли и превращались в желе.

– Сдаем инструмент! – громыхнул натренированный в аудиториях голос Веры Потаповны.

Задача, во-первых, выполнена, во-вторых, в срок, в-третьих, без потерь, и понятно, что больше всего преподавательница, поставленная отвечать за работы, боялась травм или недо считаться личного состава. Теперь страхи в прошлом, светят солнце и премия, жизнь прекрасна.

– Собираемся!

Развалюха, которая, судя по виду, пережила ровесников-мамонтов, а ныне умело притворялась автобусом, превратилась в электромагнит. Словно рассыпанная металлическая стружка, все живое в округе зашевелилось, сориентировалось на центр притяжения и потянулось на место зова, по пути слипаясь в комки побольше. Из ничего возникли толкотня и очередь. Вера Потаповна суетливо распоряжалась, в журнале делались пометки, когда очередной студент закидывал инвентарь в глубину салона.

– Какая картинка! – Толик, проходя мимо, не удержался, чтобы не отпустить колкость в сторону «умников». – Смерть с косой и ангелы с граблями.

Рядом в голос заржал Борька по прозвищу Бизончик. Прозвище соответствовало внешности: блестящие на солнце бритые «антресоли» прямо переходили в плечи, морда – кирпичом, вместо шеи – сплошная мышца. Майка с широким вырезом, татуировка-дракон, золотая цепь, квадрат подбородка – все работало на имидж крутого парня, с которым лучше не связываться.

– Ангелы с граблями! – с гоготом повторял он, пытаясь сдержать конвульсии, от которых тряслись пузыри мышц.

Невысокий рост компенсировался у него обхватом двустворчатого шкафа, а устрашающий вид – глуповатостью лица: Бизончик никогда не имел своего мнения, во всем полагаясь

на приятеля – любимчика девочек и преподавателей, не понимавших, как же столь интеллигентный и высокодуховный Толик может дружить с субъектом, чье нахождение в университете держится исключительно на недоразумении и ежегодных конвертах от папы. Телячий взгляд Борьки не выдавал мыслей, а если они каким-то образом появлялись, место мыслей занимала смена эмоций – ими Борька-Бизончик реагировал на внешние раздражители. Если Толик пошутил – нужно смеяться, если кому-то пригрозил – надо «наехать» и гнобить до последнего, жизнь проста и понятна, а все сложности – для недалеких умников вроде Ника с командой. Поэтому Ник его сторонился – во всех случаях, когда это зависело от собственного решения. Сейчас остаться в стороне не получалось, но можно было проигнорировать.

Кроме Ника то же с успехом проделали Мирон, Аскер и поджавшая губы Луиза.

На уборку трассы Толик приехал не вместе со всеми, а на собственной машине. Размещением красный внедорожник догонял автобус. Бизончика цвет машины нервировал (бык – он всегда бык, даже если человек), другие мажоры в своей массе предпочитали не яркость, а говоривший о статусе казенный траур по детству, но Толик выбрал то, что нравится девушкам. Кенгурятник спереди, лестничка сзади, ступеньки и прочий обвес делали из красного мастодонта нечто вроде центра Помпиду с трубами по кругу. Впрочем, кроме мажоров, которые бывали в том центре или хотя бы неподалеку, и умников, знавших о нем просто потому, что узнавать новое было самым приятным в жизни, остальным сравнение ни о чем не говорило.

Пока одни студенты ждали очереди на размещение или грузились, а третьи уже наслаждались витавшими в автобусе солярочными миазмами, компания мажоров и им сочувствующих в количестве трех парней и четырех девушек двинулась к собственному транспорту. Толик застыл на полушаге, отчего вся компания встала, врезаясь друг в друга, и головы завертелись в поисках причины.

– Фаня, сестренку не пригласишь? – Облизываться глазами невозможно, но Толик сумел.

Фаня, продолжавшая разгуливать в трех тканевых треугольничках, фыркнула и как бы в сотый раз повторила:

– Говорила уже, она такое не любит.

– Люди меняются. – Толик с намеком поднял бровь. – И не надо решать за других.

Обернувшись Фаня почти явственно проскрежетала зубами: Луиза ждала предложения, как собачка косточку, и самое отвратительное, что это видели все. Старшая сестра процедила младшей:

– Поедешь с нами на шашлыки?

– В принципе... – Луиза в меру умения пригасила ликование, – ничего серьезного на вечер я не планировала...

А еженедельные посиделки у Ника, когда за чаем они вчетвером болтают обо всем, что для того же Толика – ребус, а для Бизончика – китайская грамота?! Три взгляда кратко обменялись всем, что думают по этому поводу.

Компания мажоров разразилась девичьими возгласами:

– Анатолий, ты забыл про дам, а нам тоже нужны кавалеры.

– Эти, что ли? – Толик с усмешкой кивнул на Ника, Мирона и Аскера.

– Можешь предложить других?

– Ладно. Если хотят, пусть тоже едут.

Из методично газовавшего, чтобы не заглохнуть, автобуса выглянула Вера Потаповна:

– Ребята, вас ждать?

Она повисла в дверях, как перезревший помидор, оставалось ткнуть вилкой. В роли виртуальной вилки, если не чего-то хуже, выступил Толик.

– Обещаю к началу занятий всех привезти обратно. Жаль, Вера Потаповна, что не можете поехать с нами. – Он словесно резал и надкусывал наколотое, голос оплетал искренностью, а в глазах сквозила ирония, которую с расстояния от автобуса, к сожалению, видно не было. – Мне

кажется, у вас многому можно научиться не только в формате академических знаний. Представляете: палатки, костерок, песни под гитару, в котелке булькает ушица, от запаха сводит челюсти... В этом деле, Вера Потаповна, опыта у вас несравнимо больше. Почему вы никогда не отдыхаете с нами? Понимаю, что работа, ответственность, нужно сдать инструмент... но когда-нибудь вы же сумеете выбраться вместе с боготворящими вас великовозрастными оборотами?

Улыбка расплавила бы сталь, а преподавательница не дотягивала даже до полиэтилена. Ее просто испарило. Толик умел выжимать из людей нужные ответы. Еще бы: красавчик, умничка, отличник, да еще подлиза... Потому всеобщий любимчик. Понятно, что «всеобщий» имело отношение только к недалеким созданиям вроде доверчивых преподавателей и девушек, принимавших личину за сущность, кое-кто видел пройдоху насквозь, но поделиться мог только с двумя такими же.

На лице преподавательницы читалось: «Да я бы хоть сейчас, но сам же сказал: работа, ответственность, нужно сдать инструмент...» Вслух раздалось другое:

– Сегодня только пятница.

– Я и говорю – все будет в лучшем виде, до воскресенья мы вернемся, можете на меня положиться.

– Одну минуту! – Луиза махнула рукой, чтобы автобус не уезжал. – Я на всякий случай маме позвоню, а то вдруг с вами ехать понадобится.

Девушки из мажорок скривились, снисходительные взгляды показали Толику, на кого он собрался променять старых подружек.

Пока в телефоне шел гудок вызова, было слышно, как Фаня внушает Луизе:

– Ты понимаешь, зачем тебя пригласили?

– Да.

– Ну, я предупредила. – В трубке ответили, и Фаня, отходя, посоветовала: – Отправляйся как я, на все выходные, чтобы не беспокоились.

– А как с ночевками?

– Будет костер, а если пойдет дождь – есть палатки.

Ника с приятелями напрямую никто не спросил, поедут ли они.

Они поехали.

Глава 2. Последний риск

По одному, из разных мест, методом кнута и пряника их собрали как в заокеанских боевиках суперкоманду для особой миссии. Это тешило самолюбие и страшило. При взгляде на тех, с кем идти на дело, энтузиазма в душе не возникало. Спину должен прикрывать тот, кому веришь, а верить этим...

Другие так же думают о нем. Смешно.

– Филимон! – окликнул его Игрек, оставшись с двумя рюкзаками и подавая тот, что поменьше. – Твое.

Филимон шагнул вперед, и тяжесть, сравнимая с двухпудовой гирей, оттянула руки.

Местом встречи назначили опушку, где собирались грибники и уходившие к озерам рыболовы. Кроны еще сияли, редкие просветы слепили прямыми лучами, но солнце упрямо валилось на оставшийся за поворотом город.

К лесу каждый прибыл самостоятельно. С собой, как предупредили, – ни сотовых, ни другой электроники. Пять широкоплечих фигур в кроссовках, застиранных штанах и майках походили на отдыхающих – обычные работяги, в конце рабочей недели выбравшиеся на природу. Но окажись здесь посторонний, глаз резало бы отсутствие удочек, ведер и лукошек. И взгляды – серьезные, хмурые, много выдавшие – с приятным времяпровождением вязались, как слабительное со снотворным.

Перед пятеркой псевдоотдыхающих дергались просевшие и постреливавшие хриплым выхлопом Жигули с мешком картошки на верхнем багажнике. За рулем невозмутимо восседал дедок самой мирной наружности – белым венником торчала вперед куцая борода, в морщинах прятались радостные от случайного заработка глаза, промасленная спецовка выдавала любителя лично ковыряться в потрохах механической лошадки.

Выбор попутки радовал. Игрек, старший в пятерке, в ветровке и заляпанных джинсах выглядел непутевым сыном дедули-водителя, но тот, получив деньги, уехал, оставив «сынка» с «друзьями».

Те, кто получил снаряжение первыми, ковырялись в содержимом, Филимон пошарил внутри своего. Сверху, для удобства выхватывания, холодил подвинувшую ладонь ТТ с дополнительной обоймой. Ниже, среди одежды в расцветке охотничьего камуфляжа, берцев, спальника, сухого пайка, рации и прочего, притаилась Ксюха с тремя запасными рожками. Солидно. Ксюха, она же окурок, сучка, обрубок – АКС-74У, «Калашников складной укороченный». Целик перекидной, как на ППШ прадедовских времен, из-за короткого хода поршня рожок при стрельбе за пару секунд улетает, точности на расстоянии – никакой, зато в условиях ближнего боя – лучше любого пулемета. Отличная вещь. Под курткой прячется, в дипломат помещается, а в выданном туристском рюкзаке вовсе потерялась. Печально известный террорист Бин Ладен на фото и видео красовался с таким же, именно российского производства. Лучшей рекламы не придумать. И не нужна реклама Ксюхе. Филимон в свое время побегал с ней по горам и долам, пока Лизку – жену – не встретил. И за ним нехило побегали с такими же, Ксюха – самый распространенный автомат в МВД.

Повезло. Ни пуля не догнала, ни люди. А Лизка спасла, согрев любовью, и подарила смысл жизни. Сейчас у них с Филимоном подрастала дочь.

Новая измена жене с железной любовницей не смущала. Лизка поймет. Предложенные заказчиком условия, устроили сразу. Если не нарываться, жизни ничто не угрожало, а шкурой каждый из пятерки рисковал и за сумму на много нулей меньшую. Каждый понимал, что жизнь в плане заработка катилась под откос. Рэкет в смысле дойки предпринимателей отцвел и давно скопытился, отбор недвижимости у пенсионеров, алкоголиков и слабых духом коммерсов под ласкающим ухо солидным словом «рейдерство» тоже склеил ласты. И еще одно модное сло-

вечко себя не оправдало: стоило войти во вкус, как за коллекторство взялись одновременно правозащитники, прокуратура и, главное, контора, инициалы которой все вслух не произносились.

Из приятелей на свободе остались считанные единицы. Гоп-стопом безопасно не проживешь, а семьи кормить надо. Их и собрали таких – вояк и бывших беспредельщиков, женатых и неустроенных, которым было, что терять. Огромный аванс, переданный семье, сомнений поубавил, а окончательно их развеяла встреча со «смотрящим за областью». «Черная масть» заверила: за них, живших не по воровскому закону, а по понятиям, признавая только право сильного, замолвили словечко. Видимо, нужные люди получили знаменитое «предложение, от которого нельзя отказаться». Воры выдвинули условия: на этот раз каждому из пятерки принципиально игнорировавших «воровской общак» следует хорошо поделиться, и тюрьма, если кто-то загремит, покажется санаторием.

А в случае успеха или после выхода из тюрьмы о деньгах можно вообще не думать. Рисковать стоило.

– Кому отлить, делайте сейчас. – Игрек отвернулся к обочине, вжикнула расстегиваемая застежка-молния на брюках. – Дальше движемся без остановок.

К математике Игрек имел отношение не больше, чем Ксюха к прекрасному полу. Игрек, он же Грек, он же Гога – некогда командир отделения, затем бугор в братве, когда бывшие навыки помогли в новом деле. И Филимон, вообще-то, – от фамилии Филимонов, а имя с отчеством упоминались только в паспорте да в уголовных делах. Филимон, Танк, Серый, Монгол, Игрек – именно эти ставшие именами прозвища гремели и еще недавно наводили страх, и других не требовалось. Сейчас былая слава померкла, братву раскидало, и, вновь встретившись, к откровенности никто не стремился и после кратких приветствий к расспросам о житье-бытье не перешел.

Когда все заправились, Игрек проинструктировал:

– Переодеемся на месте. – Он взвалил рюкзак на плечи, остальные последовали примеру. – Начальная задача – скрытно выйти к точке инструктажа и ждать сигнала.

Филимон не хуже остальных знал окрестности.

– Идем к Нижнему озеру? – сообразил он.

Игрек неодобрительно покосился на него и промолчал.

Глава 3. Поручики и падежи

Семиместный внедорожник всех желающих не вместил. Предложение забрать оставшихся вторым рейсом компания дружно отвергла, и теперь рычащий агрегат рассекал травы как танк-попаданец возомнивших о себе рыцарей Средневековья. Позади параллельными штабелями складывались трупы павших, впереди в водах озера блестело солнце победы. Висевшие на подножках Рита и Оленька истошно горланили, их несусветными эмоциями всю воду мира можно было обратить в вино, а затем, для прикола, обратно, причем избытков хватило бы на превращение Арктики в тропики. На крыше, держась за дуги верхнего багажника, восторженно визжала Фаня. Когда машину подбрасывало на кочках, раздавался смазанный стук, визг на краткий миг прекращался, затем его прорывало с новой силой, и каждый раз добавлялись новые интонации. Бизончик что-то орал с лестницы поперек пятой двери и на ходу пытался взобраться наверх к Фане. Юра, третий из парней-мажоров, которого иначе как Юрец не называли, миловался на третьем ряду сидений с рыжеволосой Анфисой. Ник, Мирон и Аскер подпирали друг друга плечами в среднем ряду. Толик рулил. Луиза удостоилась места справа от водителя.

Ехали на Нижнее озеро. В отличие от упомянутого красивого, с пляжами и пещерами, но расположенного на запретной территории Верхнего, Нижнее раскинуло мелкие воды неподалеку. Близился закат, скоро похолодает, и разобраться с шашлыками хотелось до темноты.

Толик повернулся к Луизе:

– Почему сестра не хотела тебя брать?

– Считает, что у нас разные интересы.

– Она не права?

Ник, Мирон и Аскер на втором ряду окаменели – даже слепой видел, что интерес у сестер один.

– Не знаю.

Луиза говорила тихо, смотрела при этом вперед. Чувствовалось, что откровенности мешают посторонние. Обиднее всего Нику было включать в эту категорию себя.

С некоторых пор Луиза Иваневич заменила для него все. Русые волосы ниже плеч, средний рост, ничем не примечательное телосложение... В ней не было ничего такого, что ценят «Толики». Не шаблонная красавица, Луиза понравилась тем, что слушала и понимала, о чем говорят. Искренняя, смелая перед преподавателями в отстаивании истины (как ее понимала) и своей точки зрения, оттого и сблизилась она с тремя любителями работать извилинами. Участвуя в дискуссиях и диспутах, Луиза, внешне серая мышка, сгруппировала вокруг себя интеллектуальный кружок. Ум плюс природная естественность – лучший шарм. Доброта и милая картавость обезоруживали, а конфузливость в моменты, когда говорят об интимном, добивала. Очарования добавляли очки, без которых Луиза не узнавала людей из-за близорукости, но даже когда смотрела как бы сквозь человека, взгляд разил наповал. Ее фамилия, на зависть Мирону, больше походила на белорусскую (или, как немедленно поправил бы погрязший в собственных тараканах приятель, на беларускую). Если покопаться в энном количестве поколений, родственники нашлись бы и на западе, но их хватало без того, и не только в России. Оба родителя Луизы работали в «ящике» с неудобоваримой аббревиатурой в названии. Анна Моисеевна сейчас отдыхала после смены, а Семен Викторович улетел с отчетом в Москву.

Единственным недостатком Луизы, кроме нездорового влечения к смазливому лицу-меру, Ник считал мнительность. Заслышав смех, Луиза легко решит, что смеются над ней, и переубедить невозможно. Если назвать причину смеха – не поверит, подумает, что выкручиваются. Молчание она принимала за осуждение.

Чтобы не смущать Луизу, Ник завел отвлекающий разговор с клевавшим носом Аскером, явно не выпавшимся.

– Чем ночью занимался?

– Земляки приехали. Разве поспишь, когда десять человек в двух комнатах...

Мирон толкнул его в бок:

– О существовании гостиниц твои сородичи не подозревают?

– А мне, например, – Аскер смерил его высокомерным взглядом, – непонятно, почему я должен платить за гостиницу, если приехал в город, где можно остановиться у своих.

– А если ты не один?

«Не один». Каждый в этот момент представил одно и то же. Три пары глаз синхронно сошлись впереди на дужке очков в русых волосах за подголовником.

– Если «не один» – другое дело, – отчеканил Аскер. – А они на работу.

Мирон хмыкнул:

– Городской рынок переполнен, даже один новый торговец – конкурент остальным, а тут...

– Вроде бы в охрану, – сообщил Аскер. – Парни молодые, боевые. Говорят, получили задаток.

Тема исчерпалась, и на время ничего не было слышно, кроме шушуканья с последнего ряда. Доносившийся оттуда шепот иногда разбавлялся слюнявым причмокиванием. Анфиса и Юрец впередисидящих не стеснялись, лозунг «брать от жизни все» в этой компании ставился выше прочих.

Толик периодически косился на соседку – то на лицо, то на ноги, то куда-то посередине. На очередной яме машину качнуло, на пару секунд салон страшно накренился влево. Снаружи донесся визг, внутри все повалились друг на друга – пристегиваться в чистом поле никому не пришлось в голову. Луиза с детским вскриком прикинула к Толику.

Всего на миг. Когда она отпрянула, руки вцепились в рукоять над головой, а на щеках расплылось красное море. Отнюдь не в географическом смысле.

Болтавшиеся с боков машины Рита и Оленька едва удержались на подножках.

– Еще одна такая тренировка, и мы научимся летать!

– А я уже, – прилетело с крыши.

Об истинности заявления сообщил предварявший его удар мягкого о твердое – настолько жесткий, что потрянуло всех.

Толик улыбнулся, машина пошла ровнее. Теперь водитель тоже смотрел исключительно на дорогу, но в салонном зеркале отображались глаза – масляные, глумливо-задумчивые.

– Водить умеешь? – спросил он, похлопав ладонями по рулю.

– Нет. – Луиза глядела только вперед.

– Научить? Ничего сложного. Смотри, коробка – автомат, поэтому всего две педали ...

Чего улыбаешься?

– Ничего.

– Нечестно смеяться над ближним и не объяснять причину. Правило хорошего тона.

Луиза смиловилась:

– Из-за педали. Случай из детства вспомнился. Я не находила проверочного слова, написала через «и». Фаня нашла сразу. «Педаль?» – переспросила она. – Через «е», от слова «пендель».

– Ау, сестренка, – донеслось с крыши, – тебя с собой взяли не семейные тайны разбалтывать.

– А ты уши не грей! – Толик повысил голос. – Не тебе рассказывают.

– Разве это тайна? – одновременно удивилась Луиза.

– Это комплимент, – вставил Юрец. Оказывается, он тоже слушал, хотя занимался Анфисой.

Удар пятки в крышу призвал к вниманию:

– Коля, ты здесь самый рассудительный, скажи, в каком свете выставляет меня эта история?

Ник вздрогнул. Ответить правдой, что малограмотной самодуршей, нельзя. Фаня – человек злопамятный, тайны хранит, пока выгодно. Когда момент наступал, она больно била, знакомя посторонних с чужими скелетами в шкафу. По этому поводу у Ника было, что вспомнить. То есть, что хотелось забыть. Давным-давно, в младших классах, мальчишки в школе сказали, что одна девчонка из тех, что постарше, за денежку дает себя потрогать.

«Показать ее? – спросили его. – Только если тоже пойдешь».

«А вы ходили?»

«А то! Не сдрейфишь?»

Взять «на слабо» в начальных классах можно любого, иммунитет вырабатывается позднее.

«А то!» – «рисанулся» Ник перед приятелями. И обратного пути, как потом ни тянул он время, не было.

На ушах можно было жарить колбасу, когда выслеженный объект на время оказался один, и дрожащие руки протянули озвученную знакомыми пацанами сумму – карманные деньги за месяц и несколько сэкономленных завтраков. Колени тряслись. То, что творилось на лице, не описать прилично, а уж как бесновалось внутри...

Девушка – а как иначе назвать девчонку на несколько лет старше? – оказалась темно-волосой, грудастой, умевшей мгновенно перетекать из смешливости в агрессивную серьезность. Пышность форм придавала особый шарм, он убаюкивал взгляд на пухлых обводах, еще не определившихся: толстеть дальше, подождать или вовсе завязать с этим делом. Широко расставленные глаза, острый подбородок, чувственный рот – это отметились позже, вскользь, поскольку главным было и оставалось созревшее искушавшее тело.

Всего миг в глазах девицы сквозило недоумение, затем горячие смятые купюры исчезли в ее ладони. Сквозь туман в мозгах донеслось:

– После уроков за гаражами.

Гаражи примыкали к школе со стороны спортплощадки, слухи о них бродили чудовищные. За гаражами дрались, там курили и выпивали, там могли угостить чем-то пожестче, что потом покупалось там же. Некоторые гаражные ворота выступали досками объявлений: написанные струей из баллончика номера телефонов помогали школьникам менять деньги на возможности. Бывало, в лабиринт железобетонных коробок опасно шмыгали или, наоборот, с гордостью удалялись парочки, чтобы вдоволь нацеловаться. А если верить хвастливым рассказам, то не для этого. Впрочем, сколько Ник ни ходил мимо, кроме поцелуев ничего не видел.

Также в гаражах встречались прелюбопытнейшие типажи: валялись в лужах в дупель пьяные, собирали бутылки косматые бомжи, мочились интеллигентного вида прохожие. Однажды завелся маньяк, выскакивавший перед девчонками в распахнутом плаще. Его отвадили крепкие ребята-старшеклассники. Жизнь за гаражами кипела.

Ник едва дождался. В сопровождении одноклассников предмет первых в жизни договорных отношений с хохотом вылетел из школьных дверей, по дороге пообщался со знакомыми, затем ненавязчиво избавился от толпы приятелей и подружек, и...

Первыми в закоулки куража и опасности вошли какие-то курильщики. Выражение «конец всему» на лице Ника вызвало у старшеклассницы усмешку, она даже не притормозила, краткий мах головы приказал ему следовать позади.

Будто в шпионский роман окунули. Столь сладкого ужаса организм еще не испытывал. Каждый шаг давался усилием воли, спина взмокла и, поочередно, то горбилась, то распрямлялась – в зависимости от синусоиды мыслей, кидавших в непредставимые в налаженной жизни крайности.

Так дошли до ближайшей двенадцатизатжки. Девушка набрала код на подъезде, дверь за ней осталась незакрытой, и превратившийся в бесплотный дух Ник просочился вслед.

Девушка ждала за лифтами в глубине коридора, у квартир, где не горела лампочка. Ник видел только застывший в ожидании силуэт. Когда вдруг ставшие чужими ноги приблизили к олицетворению взрослости и запрета, превратившуюся в плоть руку Ника подняло волей свыше и приложило к ткани на прохладной выпуклости.

В глазах опустился занавес. В ладони билась настоящая жизнь – та самая, о которой трубят интернет и хихикают одноклассники.

Входная дверь распахнулась, Ник резко отдернул руку. Весело размахивая сумкой с учебниками, в подъезд влетела девчонка, одноклассница Ника из параллельного класса. Белая блузка, юбочка, русые волосы, очки на носу...

Присутствие посторонних девчонка ощутила только промчавшись мимо. Она обернулась, и будто солнце пробилось сквозь тучи. Или вправду стало светлее? Тогда в первый раз Ник заметил эту похожую на природное явление странность, необъяснимую логикой.

– Фаня, тебя ждать? – Девчонка остановилась посреди лестничной площадки.

– Разогревай. Мама с папой не обещали?

– Задержатся, как обычно.

Девчонка унеслась, сверкая голыми коленками. В лицо пахло свежестью, каблучки простучали по ступенькам, на втором этаже зазвенели ключи, скрипнуло, затем хлопнуло. В наступившей тишине Фаня схватила и сжала ошарашенную руку до боли:

– Кто рассказал?

Необъяснимое сияние погасло, по мозгам врезало реальностью.

– Макс и Гришка, – не смог соврать Ник.

«Ох, влетит им теперь...»

Фаня вдруг улыбнулась:

– Гаденыши, ведь предупреждала... Ладно, мне как раз деньги нужны. – Смешливость смыло, взгляд посерьезнел. – Растреплешь – шкуру спущу.

На тот момент Фаня значительно превосходила Ника массой, ростом и силой. Нависая, она казалась грозной, страшной в возможном гневе, и желание попасть под горячую руку отсутствовало напрочь. Но жжение в руке, узнавшей сладость...

Фаня будто почувствовала.

– Как звать?

– Ник. Николай. Коля.

– Все, Коля, покедова. – Фаня соорудила на одной стороне лица кривоватую улыбку. – А захочешь, скажем, научиться целоваться – знаешь, где меня найти.

Ее губы сошлись в воздушном поцелуе, а руки пихнули Ника к двери на улицу.

Через несколько лет в университете Ник опять увидел Фаню – постройневшую и еще более похорошевшую. Но теперь его интересовала другая сестра. И помнит ли не обделенная мужским вниманием Фаня робкого малолетку?

Все это пролетело в голове мгновенно, и Ник сосредоточился на том, что спрашивали.

– Фаня, показать высший класс в остроумии может не каждый, и рассказ об этом факте...

– Обожаю, когда хвалят честно и бескорыстно, – донеслось сверху. – Думала, у нас Толян главный по части лизнуть в ушко, а теперь, значица, конкуренция. Буду следить за успехами. И если нужно на ком-то тренироваться, Коля, не стесняйся, всегда к твоим услугам.

– В каком смысле? – хохотнула Оленька, висевшая на трубчатой подножке со стороны Аскера.

Оленька, простоватая подружка Бизончика, не строила из себя даму высшего света и не была ею. Здесь она присутствовала из-за дружка, ее все устраивало, и Оленька устраивала всех.

– Да, поясни, народу интересно, – присоединилась Рита, раскачивавшаяся за стеклом прямо перед лицом Ника, когда он пытался смотреть вбок. Отчего он и зарекся туда смотреть.

Внешне, да и не только внешне, Рита была противоположностью Оленьки. При одинаковом росте, там, где у той – пышное, у этой – тощее, у той – светлое, у этой – темное. Одна – святая простота и божий одуванчик, созданный для радости, вторая – это про Риту – высокомерная язва. Контраст присутствовал как в волосах – кудряво-золотистых с той стороны и прямых, цвета воронова крыла, с этой – так и выборе тона купальников: розовый против темно-зеленого. Разглядывать мелкое наполнение темно-зеленого у Ника желания не возникло бы даже не из-за опасения получить в ответ ядовитую отповедь.

А если подумать... Чтобы так мозолить глаза, нужно постараться. Именно Рита жаловалась Толику на нехватку кавалеров, когда он пригласил в компанию постороннюю. У Оленьки был Борька-Бизончик, а у Анфисы, в тот момент поддерживавшей Риту, что-то наклевывалось с Юрцом. Выходило, что одному из трех приятелей Луизы придется выдержать натиск оставшейся не у дел мажорки.

Ник разделял присутствующих на собственно мажоров в лице Толика, Юрца, Бизончика, Анфисы и Риты, и на примкнувших к ним Фаню и Оленьку, которых обозначил термином «сочувствующие». Себя с приятелями он классифицировал как «случайных попутчиков». Луиза осталась вне градаций.

Машина притормозила.

– Обломчик, – сообщил Толик. При переключении коробки передач на «паркинг» он коснулся бедра соседки. Луиза сделала вид, что не заметила.

Ник тоже, хотя внутри вскипело. Мирон и Аскер, к счастью, не видели. Во всяком случае, их лица не дрогнули.

Вдали, на желанном месте у воды, гудели натянутой тканью три легких палатки. Дымился костер, рядом возились четыре фигуры в охотничье-рыболовной амуниции. На рыбаков отдыхавшие не походили. На веселящуюся молодежь тоже.

Донесся запах шашлыка.

– Опередили, – вздохнула Оленька, припечатавшись к стеклу пышным бюстом.

– Одни мужчины? – вопросительно донеслось с крыши.

Бизончик взобрался, наконец, на верхний багажник и подтвердил:

– Ага, только парни. А девки где?

– Ты хотел сказать «девушки», – наставительно поправила Рита.

Кажется, от приятеля Толика она не в восторге. Но терпит. Сменить круг общения на другой, более приятный, значило понизить себя в статусе, на это никто из мажоров не пойдет ни при каких условиях.

– Тогда не «девушки», – съехидствовал Юрец, – а «женщины», которые сейчас, возможно, занимаются своим женским делом в палатках.

– Женским делом у них почему-то мужики занимаются. – Выставленный между головами Ника и Мирона наманикюренный палец Анфисы указал на фигуры, «колдовавшие» с продуктами.

– Жарить мясо – мужское дело, – ответил Юрец, – а то, что я имел в виду...

– Поручик, молчать! – вклинился Толик.

Фигуры у костра одна за другой настороженно выпрямлялись. Из палаток высунули головы еще двое. Ни в силуэтах, ни в позах, ни в одежде ничего женского по-прежнему не

замечалось. Мальчишник у них, что ли, на природе замышляется, или под видом рыбалки мужички устроили большую пьянку?

Машин у конкурентов не было, значит, как обычные «безлошадники» или обладатели низких легковушек без полного привода, с немалым скарбом шли пешком от ближайшего асфальта. Если не лень таскать тяжести в такую даль, то, похоже, расположились надолго.

Внедорожник вновь рыкнул и развернулся. С этой стороны не отгороженный сеткой берег обрамляло убранное поле, двигаться по нему было легко. По широкой дуге Толик объехал чужой лагерь.

С места, выбранного как запасной вариант, соседи виднелись размытой картинкой на горизонте. Присевшее на лес солнце, прежде чем залечь окончательно, высветило впереди чудесный пляж. Что сразу всем понравилось – свободный. Вода искрилась, трава зеленела, песок блестел – что еще нужно для отдыха? Настроение снова поднялось, и только Мирон буркнул:

– Ни кустика, ни деревца.

– Дрова не понадобятся, все с собой, – заверил Толик.

– Я не о том, – вздохнул Мирон, но развивать мысль не стал.

Машина лихо вывернула и затихла у самого края, где травянистая часть переходила в низкую песчаную. Соскочивший с крыши Бизончик принялся за готовку, в компании он оказался главным по шашлыкам. Из багажника появились мясо, мангал, угли, какие-то баулы и пакеты. Оленька бросилась на подмогу. Рита задумчиво оглядывала окрестности, Ник, Мирон и Аскер тоже остановились, не зная, за что взяться. Юрец с Анфисой еще выходили – процесс доставания высокой девицы с третьего ряда вылился в целое представление. Через проем, созданный сложенным сиденьем во втором ряду, subtilный Юрец перемахнул не глядя, а для скрюченной коленями к подбородку девушки даже добраться до выхода оказалось проблемой. Ноги затекли, Анфиса ворочалась, слишком обтягивающие джинсы опасно потрескивали. На уборке она, в отличие от подруг, не разделась до купальника, и вместе с Луизой составляла внешне скромную часть женской компании – помимо джинсов тело прикрывала аляповатая блузка. Слово «внешне» Ник добавил, учтя несмолкавшие поцелуйчики в течение всего пути и состояние блузки на момент явления народу. Удивительно, как Анфиса при своих габаритах ютилась «на Камчатке». Наверное, сработал оставшийся от походов в кино синдром заднего ряда, когда уединение важнее удобств.

Луиза чуть замешкалась, не спеша выходить, Толик спросил:

– Ты хотела научиться водить. Поехали?

Неправильная формулировка, мысленно поправил Ник. Не она хотела научиться, а он хотел. Даже не обязательно добавлять «научить». А «водить» в этом ряду вовсе теряло смысл, играя роль видного каждому предлога.

Луиза не видела. Не хотела видеть. Та самая умнейшая всепонимающая Луиза, которая на занятиях переглядывалась с Ником, если хотелось посмеяться или указать на забавную ситуацию, с Аскером – когда дело касалось разжигания межнациональной дружбы, с Мирон – в случае, если сказали нечто не для средних умов, и что до конца могут понять лишь двое. Последнее бесило, но часто оказывалось правдой, потому стало обидно-обыденным, с чем приходилось мириться.

Теперь все это казалось мелким и незначительным. Пришло время не мириться, а смириться, другого выхода Ник не видел.

– С удовольствием. – Щеки Луизы зарделись, существование приятелей стерлось из памяти.

Все просто: с глаз долой – из сердца вон, а глаза глядели на другого.

– Прошу. – Левая дверца распахнулась, и протянутая рука Толика галантно помогла забраться внутрь.

Луиза разместилась на месте водителя, поправила очки, за которыми горели глаза. Толик сел справа.

– Именительный, родительный, дательный... Или еще: винительный, творительный, предложный, – зачем-то перечислила Рита, глядя вслед рванувшей вдоль берега машине. – Если вдуматься и представить в виде историй, должно быть наоборот.

Ник, Мирон и Аскер одновременно отвернулись.

Глава 4. Шашлыки, русалки, невидимки

Перед поездкой каждый из них позвонил домой одновременно с Луизой. Пришлось долго объясняться – родители не понимали, почему сыновья решили ехать с людьми, которых ежедневно чихвостили на все лады.

Сейчас на правах гостей они втроем бродили по берегу, на них не обращали внимания. Непонятно, зачем их пригласили. Непонятно, зачем они поехали. Вообще ничего не понятно. Вопрос «зачем?» обретает смысл при включении логики, а она потерялась. Остается на все отвечать «потому что» и для закрепления успеха любое возражение добивать категоричным «тем более». После такого любая заглянувшая на огонек логика устало выдохнет и с покорностью отвернется к стенке.

Последние лучи сотворили с озером чудо. Ник морщился, глаза болели, как от электросварки, стоило обернуться к воде. Мир воссиял и заискрился. Только зачем эта красота, если та, о которой мечтаешь, – с другим.

Юрец с Анфисой, держась за руки, ушли – так далеко, что не видно. Фаня и Рита отправились селфиться на фоне воды, они изображали русалок и периодически менялись аппаратами с просьбой сделать особенный кадр. Усевшись в воду у берега, то одна, то другая закидывали руку за голову, лица выставлялись в профиль, плечи разводились, как мосты в Питере, только не с практической или другой благородной целью, а исключительно чтобы покрасоваться. Иногда обе оглядывались на гулявшую в недосягаемости троицу «умников», чьи взоры искали на горизонте сгинувший в неизвестности внедорожник. Девушкам, видимо, требовалась помощь в запечатлении краткосрочной красоты на века, но крикнуть и позвать пока мешало высокое самомнение.

Бизончик с Оленькой насаживали мясо на шампуры. Оленька осталась единственным светлым пятном в компании, которую покинуло истинное солнце. Пухлощекая, со вздернутой пипкой носа, смешливыми глазами и пышной шевелюрой, она не выдавала заумных перлов, не строила из себя королеву мира и никогда не унывала. Из-за покатых плеч, широких бедер и отнюдь не спортивной талии фигура напоминала овал. Девушку Бизончик выбрал себе под стать. Обычно люди его типа – семейство быкообразных – предпочитают противоположность, то есть нечто эфемерное, тончайше-полупрозрачное и – непременно – с увесистыми вторичными. За исключением последнего пункта правило в отношении новой подруги дало сбой. То ли жизненное наблюдение оказалось неправо, то ли Бизончик насытился ребрышками и потянуло на филе и рульку ... В общем, они с Оленькой чудесно ужились. На данном этапе. Дальше жизнь покажет.

Только прогорели угли, как раздались хлюпающие шаги – для экономии времени соседи из другого лагеря пришли по мелководью.

– Здравствуйте, уважаемые, – раздалось издали.

Напряглись все: голос был с акцентом, и вид гостей доверия не внушил. Пришедшие оказались «гражданами кавказской национальности», как пишут в средствах массовой информации. Все трое одеты в штаны и куртки камуфляжной расцветки, ноги босые – для удобства, ведь шли по воде. Штанины и рукава закатаны.

– И вам не хворать. – Бизончик покосился на разделочный нож и шампуры, но, поднявшись, оставил руки свободными.

Его тоскливый взор пробежался по округе – видимо, в машине имелось что-то более подходящее для защиты и нападения, но оно осталось далеко. Оленька, чьи перетянутые розовым роскошества сладко и дерзко выпячивались, спряталась за него; правда, от пожирания взглядами это не уберегло и лишь немного снизило накал.

Ник, Мирон и Аскер оказались дальше всех, они там и остановились.

Фаня и Рита, только что принимавшие вызывающие позы в купальниках, присели в прибрежной воде, где их застало появление чужаков.

Гости подошли ближе. Внимание к девушкам было почти осязаемым, взгляды напоминали шупальца, а читаемыми в глазах желаниями можно было долбить асфальт.

– Шариф, – представился тот, что здоровался.

Громилой не назвать, но что-то в движениях намекнуло, что даже Бизончику придется туго, если дойдет до неприятностей. Подозрительный взгляд вспыхивал искрами готовой вырваться вспыльчивости, поджатые губы утопали в черной бородке. Колючесть напоминавшего взведенную пружину тела сводила на нет показную доброжелательность.

– Эмин, Ибрашка, – указал он спутников.

Эмин, прямой и тощий, словно состоял из одних конечностей, в отличие от смуглого земляка он был белокожим, выбритым до синевы, а оттопыренные уши придавали облику некую забавность. Забавность разбивалась о жесткий, если не сказать жестокий, взгляд, с которым лопухий взирал на студентов.

Эмин и Шариф выглядели лет на двадцать пять-тридцать. Третий, плечистый юнец с демонстративным бесстрашием в глазах, возрастом походил на старшеклассника. Приземистый, не выше Аскера – самого мелкого из присутствующих – он изо всех сил старался доказать взрослость, загорелое лицо бравировало темной щетиной, а принятая поза говорила о желании подрасть. Вот вам и «Здравствуйте».

Шариф обратился к Бизончику, определив здесь как главного.

– У нас уже готово, – короткая густая борода качнулась в направлении брызжущего жиром мангала, откуда исходил дурманивший аромат, – пальчики оближете, вы такого шашлыка никогда не пробовали. Приглашаем всех к нам.

Рита склонилась вроде бы к ушку Фани, но с громкостью по каким-то причинам решила не заморачиваться:

– А я боялась, что кавалеров не хватит. Этих можно было с собой не тащить.

«Эти» почувствовали себя неудобно. Желанием Ника было развернуться и топтать домой. Остановили неоднозначность ситуации и приятели, которые делать этого не собирались. Особенно напрягся Аскер – пришедшие оказались ему знакомы. Впрочем, у выходцев с Кавказа даже незнакомые земляки в первую очередь – земляки, эта традиция, бесившая Ника и в то же время вызывавшая зависть, одновременно была средством выживания и способом добиваться невозможного.

– Салам алейкум. – Аскер двинулся к воде, не дожидаясь ответа Бизончика – тот тянул время, шепчась о чем-то с выглядывавшей из-за его спины Ольенькой.

– Ва алейкум салам.

Шариф, Эмин и Ибрашка вышли на берег, чтобы приятель не мочил ноги. Аскер поздоровался с каждым за руку. Некоторое время велся неразборчивый разговор. Шариф кивнул на Ника, Аскер отрицательно мотнул головой.

– Приняли за своего, – тихо сказал Мирон.

Единственного черноволосого в четверке «умников» (четверке – включая, естественно, Луизу, без нее не было бы и тройки), Ника периодически принимали за южанина. Насколько он знал, таких кровей в роду не водилось. Николай Иванович Иванов – даже не считая отчества, фамилия говорила о происхождении больше любых слов. Хотя...

Мирон тоже был Иванов – по написанию. Ударение на второй слог досталось, по его утверждению, от родственников-болгар. Ник допускал, что Мирон это придумал, имея особый взгляд на историю. А Луиза была Иваневич, по отцу тоже русская. В общем, национальности – дело темное, едва копнешь – засыплет. Как говорил классик, поскреби русского – найдешь татарина. Аналогично можно сказать про всех. Не будь перемешивания, человечество бы давно выродилось. Но проблема существовала, и национальная мозоль периодически кровоточила.

На том и строилась дружба ИванОва, ИвАнова, Иваневич и Магомедова (это такой северокавказский Иванов), что в национальном вопросе они никогда не переходили на личности.

Поняв, что с распростертыми объятиями здесь не примут, и в чужой лагерь в ночь компания не пойдет, земляки Аскера по-братски попрощались с ним, а остальным сообщили:

– Мы не в обиде, понимаем, хотите одни побыть. Хорошо вам отдохнуть. Будет скучно – приходите.

Подмигнув «русалкам», гости ушли по мелководью.

Аскер рассказал:

– С Шарифом еще пять человек, их наняли куда-то в охрану, завтра должны приступить. Работа, говорят, может быть опасной, поэтому в последний день решили расслабиться. Видят, тут девчонки... Но все в порядке, проблем не будет.

Озерную муть облизывали подступающие сумерки, потянуло прохладой.

– Где их носит? – Фаня вышла на берег, взгляд рыскнул по округе, а руки обхватили зябко передернувшееся мокрое тело. Особенно досаждал купальник, где с алых треугольников текло по коже, вызывая волны пупырышек. Переодеться в сухое на местности, где с одной стороны озеро, а с другой ровное поле, было негде.

– Коля, – ее глаза нашли Ника, – поставьте с ребятами палатки.

Бизончик, занятый переворачиванием шампуров, оскалился:

– Думаешь, сумеют?

– Разберемся, – буркнул Аскер.

Пока они разбирались, Рита и Фаня склонились над огрызавшимся на капающий жир мангалом, откуда веяло теплом.

Палаток оказалось три – две маленькие и семейная на несколько человек. Маленькие сами превратились в хлипкие пирамидки, стоило достать их из круглых упаковок – каркасы состояли из пружинящих трубок. При сборке большой понадобилась смекалка. Здесь каркас собирался из коротких планок, они вставлялись друг в друга и создавали сложные арочные конструкции. Место под палатки определил Мирон – на площадке, что возвышалась над остальным берегом на пару десятков сантиметров. Вроде бы мелочь...

– От дождя, – пояснил Мирон.

Рита уважительно кивнула и, прихватив кроссовки и белый спортивный костюм с загогулиной дорогого бренда, на карачках вползла в первую же поставленную палатку. Тонкие стенки зашатались от возни внутри. Фаня с таким же белым и на посторонний взгляд ничем, кроме трилистника вместо загогулины, не отличавшимся костюмом шагнула к другой палатке. На полпути она в задумчивости остановилась и попросила, прислушиваясь к чему-то:

– Коля, вытри мне, пожалуйста, спину и везде, где мокро.

Бизончик хрюкнул от застрявшего в горле смешка. Оленька ткнула его локтем, Фаня с укором покачала головой.

Ник стоически принял протянутый носовой платок – других тряпок, кроме одежды и брезентовых упаковок от палаток, в лагере не было. Фаня повернулась спиной, Ник поднял руку... и теперь уже все услышали дерганный взывающий шум – от неумения водителя газовать. Кидавшийся грязью стальной жук рос на глазах, зигзагообразная траектория сначала выглядела смешно. Когда она выровнялась, сидевшие на корточках Бизончик с Оленькой вскочили на ноги, выглянувшая Рита не выдержала:

– Слепли, что ли?!

Красный внедорожник летел прямо на лагерь. Ник испытал нечто вроде экстаза самоубийцы, когда роковой порез сделан, и ничего не изменишь – через миг тебя сметут и раздавят, все кончено. А глаза вдруг замечают красоту картины – алый ореол светила, и как оно медленно тонет за забором далекого леса, и битву фиолетовых облаков с сиреневыми, и окрашенную в траур почву в позолоте упавших колосьев...

И неотвратимую, несущуюся навстречу смерть-любовь, растоптавшую веру-надежду и забиравшую в покой-бесконечность.

Сволючное подсознание нарисовало тот же вид, как станет выглядеть через миг: с глухим чавком соударение живого и неживого, ошметки мозгов на лакированном капоте, разбросанные по земле свастики тел, у которых опорожнились оставшиеся без контроля кишечника...

Не зря сказано: во многой мудрости – много печали. Кое-каких подробностей лучше было не знать.

В последний момент водительница вырулила вбок, и управляемые нежными ручками три тонны железа ухнули в воду. Часть вещей на берегу накрыло волной, шашлычнику с подругой тоже досталось. Обрызгало и палатку, где с визгом скрылась Рита. Метрах в двадцати от берега буксующие задние колеса зарылись в ил, на глубине примерно по колено машина завязла, презрительно фыркнула на прощание и заглохла. Ниже уровня воды оказались не только подножки, но и часть дверей, если открыть – затопит по самые сиденья. Не будь вседорожный монстр создан для преодоления водных преград, внутри уже плескалось бы море.

С легким жужжанием стекла опустились, Толик оценил ситуацию и принялся разуваться. Водительница еще не отошла от поездки – от эмоций не могла пошевелиться, только бурно дышала.

Толик закатал штанины, как недавние гости, затем наполовину вылез в боковое окно, руками ухватился за рейлинг на крыше и вытянул тело целиком. Рубашка от соприкосновения с внешней стороной дверцы перестала быть белой, хозяина это не волновало. Ступив в воду, он обошел машину. Из открытой им пятой двери, до которой вода не доставала, посыпался вал пластиковых бутылок объемом от полутора литров и больше. Два последних ряда кресел на этот раз оказались сложены, спинки создавали ровную поверхность, а весь объем салона, кроме передних сидений, заполнял странный груз, с которым поступили тем же не менее странным образом – просто вывалили в озеро. Водительницу и инструктора привезенный груз, казалось, больше не интересовал. Пустые емкости расплылись по поверхности, остатки скинула наружу пробиравшаяся с переднего сиденья Луиза.

– Это что? Это зачем? – сгорала от любопытства Оленька.

– Всему свое время. – Толик встал посреди воды в позу вызывающего к небесам жреца и провозгласил, указав лицом на застрявший внедорожник: – Объявляю эту территорию суверенной! Отныне здесь не действуют государственные и прочие попирающие права личности законы. Здесь будет водружен флаг содружества независимых личностей и поставлен монумент свободе. Отныне это остров свободы!

Из проема на него изумленно глядела Луиза. Он повернулся к ней:

– Прыгай, отнесу.

Ее руки оплели его шею. Перехватив Луизу за талию и под колени, Толик двинулся с приятной ношей к берегу.

Фаня поняла, что момент упущен, и не она теперь главный ньюсмейкер – профессионала возомнившей о себе самоучке не перещеголять. Платок у глядевшего в другую сторону Ника был отобран, и несостоявшийся объект помощи нырнул в свободную палатку.

А Ник следил за безмолвным обменом репликами: Юрец поднятием бровей изобразил что-то вроде «ну как?», Толик в ответ поджал губы: «никак».

Не успело в груди заныть от счастья, как в ответ на ухмылку приятеля последовало уверенное прищуривание – мол, подожди, это только начало.

Стало неприятно. Отведя взгляд, Ник замер, и, возможно, у него открылся рот, потому что от такого должен был открыться: у окруженного водой внедорожника осторожно продавился капот, будто кто-то наступил или сел на него – мягко, аккуратно, чтобы прогнувшееся железо не издало ухающего звука.

Галлюцинация? Иного объяснения не существует. Двигатель не мог притянуть стальной лист изнутри.

Толик нес Луизу к мангалу. Если над водой она чувствовала себя замечательно, то, миновав песок и оказавшись над травой, застеснялась, начала изворачиваться, и ее опустили на землю.

Луиза принялась оправлять задравшуюся одежду, над серой футболкой розовела тонкая шея, биением прожилок на которой так любил любоваться Ник в минуты, когда сидели бок о бок за каким-нибудь занятием. Счастливые были времена.

Он вновь обернулся на внедорожник. В воде, посреди мелко волнующейся глади озера около капота появилась выемка. Похоже на водоворот, но без завихрений и с отвесными стенками. Рядом медленно образовалась вторая, тоже ровная и глубокая. Словно две неровных трубы вертикально воткнули в воду. И – как недавно через траву в районе трассы, но теперь среди плавающих емкостей – обязанные принадлежать чьим-то ногам пустоты по дуге двинулись вокруг шумящего лагеря.

– Ми... – Ник хотел позвать Мирона, стоявшего рядом, но Толик вдруг рявкнул:

– К шашлыкам! Кто последний – с того поцелуй!

Все сорвались с места – как маленькие, не раздумывая. Толик придерживал за руку спотыкавшуюся Луизу, за ними помчались Аскер и Мирон. Побежал и Ник. Последними из палаток выскочили переодетшиеся Рита и Фаня. Фаня еще не обулась и, бросившись с кроссовками в руках, наступила на камешек или корень. Она охнула, присела на миг и, в результате, последней доковыляла до сгрудившейся вокруг мангала компании. Толик усмехнулся:

– Разыграем кандидатуру или сама выберешь?

Он не мог не знать о ее чувствах. Видимо, Фаня посмотрела на него как-то особенно, или еще что-то, но, уловив в выражении ее лица нечто для себя опасное или сейчас неприемлемое, Толик взял решение на себя:

– Даю сто зеленых рублей, если поцелуешь Коляна!

Так иногда звали Ника. Каждый называл на свой манер и в разное время по-разному. Нику было все равно, а сердце замирало, и душа млела, только когда Луиза нежно говорила «Иваник». От совмещения имени и фамилии. Такое бывало редко, но когда бывало...

– Сто пятьдесят, если Аскера! – перебил ставку Бизончик.

– Столько же на Мирона! – присовокупила Рита.

Ухмыльнувшаяся Фаня направилась к Нику:

– Деньги не главное.

– Но не помешают? – хохотнул Бизончик.

– А то!

Противно чувствовать себя объектом сделки, но обнявшие руки, прильнувшая плоть и жадные губы погасили сопротивление.

Это оказалось больше чем приятно.

«Хватит, Луиза смотрит», – вспыхнуло в мозгу.

«Луиза теперь с Толиком, – ответило что-то дремуче-пещерное, выглядывая из недр подсознания. – Ты ревнуешь ее? Пусть и она ревнует».

Все же влажная спайка губ разорвалась – нехотя, исключительно силой воли, которая из всех сил боролась с толкавшей друг к другу неправильной гравитацией.

– В свое время ты не отважился, – шепнула Фаня так, чтобы никто не слышал, – а теперь другие платят за то, что я тебя целую.

Ника обдало жаром: она все помнит.

– Мы с тобой в одной ситуации, – снова раздалось в ухе. – Мне нужен он, тебе нужна она. Нужно держаться вместе.

– Хватит шептаться, за это не доплачивают! – Риту возмутило, что член их элитной команды так приветчает случайно прибившегося нищелюба.

Правда, ее собственные действия заставляли задуматься: а не банальная ли ревность говорит в девушке? Они с Фаней здесь единственные без кавалеров, и три неказистых середнячка – хлипкий-высокий, низкий-полненький и откровенно маленький – вполне годились на роль объектов временного интереса. Поговорка про рака на безрыбье существовала неспроста.

Толик в это время шептал что-то на ушко Луизе. Обернувшись на него, Фаня на миг прикусила губу: он даже не смотрел на свершившееся, ему не было дела. Тогда Фаня сделала шаг вбок и по очереди поцеловала двух других.

А Ник то и дело косился на воду. Нечто непонятное, напомнившее классического человека-невидимку, больше не появлялось. Если допустить существование невидимки, то внедорожник привез его из района уборки территории – а откуда еще взяться такому количеству пластиковой тары, для чего-то собранной Толиком? Нечто... брр, лучше в живом варианте – некто дождался, пока Толик с Луизой набьют салон пустыми емкостями из мешков вдоль трассы, взобрался на крышу и так же, как Фаня до этого, приехал сюда. Здесь под шумок этот некто незамеченным вышел на берег... и все. В непаханом поле ноги отпечатков не оставляют, почва слишком твердая. Была бы собака...

Рассказать друзьям? Глупо. Они видели шаги в траве и не поверили глазам. Тем более не поверят словам.

И рядом Луиза. Если слушок на одну из тем, над которыми прежде смеялись, дойдет до нее... Где доказательства, что не почудилось? Следы на воде?

На воде – нет, но на песке...

– Коля, ты куда? – бросила Фаня, только что смачно облобызавшая Мирона и теперь только что оторвавшаяся от низенького Аскера – для него ей даже пришлось склониться.

Ник отмахнулся. Он добежал до воды в районе, где гипотетический некто должен был выйти.

Все истоптано, везде следы – и голых ног, которые могли принадлежать фотографировавшимся Фане и Рите, и обуви – в том числе тех, кто отдыхал или рыбачил здесь незадолго до приезда компании. Много свежих следов, но ни одного, что навел бы на мысли о чем-то странном. Если проверить подошвы всех, кто подходил к воде, можно вычислить посторонние.

И что? Какими глазами на Ника посмотрит Луиза?

Вообще, что он собирался найти? След динозавра, сказочной нечисти или космического пришельца? Если отбросить мистику и фантастику, остается одно. Привиделось. Либо, как оказывается всегда, случились природные явления: водовороты, газовые пузыри или что-то другое, наукой еще не изученное.

Подошли Мирон и Аскер.

– Что-нибудь неправильное в этих следах видите? – Ник указал на песок.

– Нет. А что?

Ник развел руками и побрел обратно.

Глава 5. Террористы и украденные шашлыки

Первая партия мяса подходила к готовности. Есть холодное ради кого-то в этой среде было не принято, про Юрца с Анфисой вопрос даже не подняли. Все окружили причину слюноотделения, Ник с друзьями тоже подошли.

Луиза все же удивилась, что загулявшей парочки долго нет – не случилось ли чего? Ник тоже настороженно поглядывал по сторонам. Знай Юрец о настроениях в соседнем лагере и странном событии в этом, он бы так далеко не «угулял».

– Не переживай, – Толик приобнял Луизу за плечи, – это нормально.

– Даже более чем нормально, – уточнила Рита. – Будь у меня нормальный кавалер, я бы сейчас тоже «гуляла», а не холестеринном накачивалась.

Ее странный взгляд создавал впечатление, что она не смотрит на того, с кем разговаривает. Это не косоглазие и не близорукость, как у Луизы, которая действительно не узнавала людей без очков и смотрела сквозь. Рита просто смотрела мимо, а когда взоры с собеседником случайно пересекались, никакого отклика не происходило. Будто с пустотой общаешься.

Оказалось, что так не всегда. В глазах Риты вспыхнула мысль, и ее взор, только что проползший по Нику, скакнул вбок и немного вниз на стоявшего справа Аскера. Выразив недовольство тем, что пришлось опуститься, он перенесся влево, где пробежался по мясистым губам и выпуклым глазам Мирона, тоже невысокого, но не столь маленького, как Аскер. Задумчивый взгляд справа налево оценил широту плеч, вызванную не спортом, а полнотой, и поставил окончательный крест, скользнув сверху вниз от короткого белого «ежика» до серых от пыли кроссовок.

Затем Рита вновь уставилась на Ника – прямо и бесцеремонно. Теперь она его бесцеремонно клеила. Из свободных присутствующих Ник единственный соответствовал ее запросам, то есть при равных прочих условиях наиболее привлекал внешне. Рост не ущемлял достоинства возможной партнерши, легкая сутулость и узкая грудь прикрывались спортивной курткой, а стройность, как толерантно именовал Ник свою худобу, по сравнению с Ритиной выглядела даже мужественной. Не выделявшееся красотой лицо и короткая стрижка, которая даже до ранга прически не доросла, роли уже не играли, выбор был сделан. Теперь Ник – кандидат в бойфренды. Хотя бы на выходные. Точнее, именно на выходные, в обычное время особа вроде Риты его снова в упор не увидит.

Вместо радости, что в кои-то веки понравился девчонке, Ник почувствовал себя неудобно. Пока у него есть Луиза, другие не нужны.

Стоп. Какое «пока»? Какое «у него»? Какое «есть»? У него пока есть только мечты, настолько же далекие от реальности, как килька от акулы. То, за прикосновение к чему не жалко полжизни, обнимала рука Толика. Не лучше ли закрутить с Ритой, показав, что тоже не лыком шит?

Вот-вот. Шит. Произнести мягко, с растягиванием, и перевести с английского. Самое оно. Луизе нужен другой, в этом она видит счастье. Можно ли мечтать о ее несчастье ради своего счастья?

В голове всплыла песенка из древнего фильма, так поразившая, что с детства засела намертво: «А если случится, что друг влюблен, а я на его пути – уйду с дороги, таков закон, третий должен уйти». Песня рвала душу, очень хотелось поступить так же – по-дружески и очень по-мужски. На деле – не получалось. Наоборот, вместе с товарищами по несчастью Ник продолжал надеяться на чудо. Чудеса случаются (как и некстати упомянутое англоязычное «шит»), и кто сказал, что однажды невероятное не произойдет? Но к чуду нужно быть готовым, для этого Золушка должна прийти на бал, а будущий маркиз Карабас завести кота. Если Ник примет заигрывания Риты, то в момент, когда неожиданное чудо случится, он может оказаться

не у дел и остаться с такими Ритами. Это история даже не про синицу и журавля, а про воду и уксус для умирающего от жажды.

Еще факт в доказательство, что чудеса существуют – неведомый невидимка. Или притворившееся им природное явление – в собственном рассудке сомневаться не хотелось. Если невидимка – не обман зрения, то приключения только начинаются. Ник вновь вспомнил про Анфису и Юрца.

– Позвонить загулявшим? – предложил он.

– Лучше сообщение послать, что самое вкусное доедаем, – улыбнулась Фаня. – Прибегут как миленькие.

– Не приведи Господи так оголодать. – Рита все больше чувствовала в Фане конкурентку. Все привыкли, что та – приложение к компании в качестве тени Толика, и внимание к Нику не прошло незамеченным. А поцелуй с шептанием заставил перейти к действиям.

Ник стоял между Мироном и Аскером. Рита обошла приятелей, ее хрупкая фигурка оттеснила Мирона от Ника, и плечи всех троих сомкнулись в новой конфигурации. Ник почувствовал, как об его ногу потерлось соседнее бедро.

Итак, Рита думает, что Фаня имеет на него планы, поэтому приняла меры. Знала бы она, что симпатией даже не пахнет. «Мы с тобой в одной ситуации», – сказала ему Фаня. У них общая цель. И все. Пока Толик не взялся за ее родную сестру, Фаня не выходила из тени. Что-то изменилось. И связано это не с Ником.

– Ник прав, при таком соседстве все может случиться. Я позвоню. – Фаня пошла за телефоном.

Толик заинтересовался обмолвкой про соседство, и Оленька рассказала о визите гостей. Аскеру вновь пришлось объяснять, что земляки против них ничего не имеют, хотели пригласить к общему столу, а на отказ не обиделись.

– У наших все нормально, просили не беспокоить, – сообщила вернувшаяся Фаня. – А теперь вопрос на смекалку: когда выгружались, кто-нибудь подумал, куда здесь в туалет ходить?

Голая поверхность вокруг, где не было ни кустиков, ни деревьев, поубавила общего оптимизма, лица погрузнели.

Мирон проворчал:

– Я об этом говорил. Меня никто не слушал.

Толик взмахнул гривой, чтобы растрепанные волосы ровнее легли по плечам:

– Умеете же из ничего создать проблему.

Зависть – отвратительное качество. Ник стоял напротив, и глаза мозолили расположенные рядом с Луизой широкие плечи, рельефный пресс и обольстительная улыбка. Не мачо типикус бруталус, перед которыми у женщин отнимаются ноги и рассудок, не плюшевый обаяшка, каких они любят затискать до смерти или не могут переспорить и вынужденно на все соглашаются. Толик был другим. Чисто иконописный агнец божий, явившийся наставить заблудшее стадо на путь истинный. Волнистые светлые пряди обрамляли лицо, взор сиял безмятежностью, полноту картины завершала испачканная рубаха, растянутая и в новой ипостаси напоминавшая хитон. Или как называлась холщовая накидка на апостолах и прочих библейских персонажах?

Короче, не Толик, а спаситель человечества.

– Пока все здесь, у мангала, отхожим местом назначается сектор за большой палаткой. – Жестом бронзового вождя пролетариата спаситель указал направление.

Оленька надула губки:

– Мне не нравится слово «пока».

– Через час-два проблема рассосется сама собой. – С улыбкой вселенской мудрости Толик обвел грешную землю взмахом сеятеля.

Гора пакетов, пирамиды палаток на заднем плане, свинцовая рябь озера, у берега пестрившая плавающим пластиком – все неуклонно хмурилось, становилось блекло-серым, размытым и, если не выйдет луна, грозило скоро исчезнуть во тьме. Только подмигивание углей веселило, а шипящее причмокивание над ними влекло взгляды и напоминало, что кусать и глотать среди обязанностей головы иногда важнее прочих. Толкавшаяся локтями компания вдыхала дым, сводивший горло, аромат разносился такой, что терпеть дальше стало невозможно.

– Ничего, что мясо – свинина? – раздававший шкворчавшие шампуры Бизончик с ухмылкой глянул на Аскера. – Что по этому поводу говорит твоя совесть?

– А тебе твоя что сейчас говорит? – не отвел взгляда Аскер. – Вообще, она у тебя есть, если позволяет задавать такие вопросы?

Аскер не любил, когда задевали даже по мелочам, не говоря о большем. Это бзик всех выходцев с Кавказа. К Аскеру, при его чрезвычайно несолидной внешности, даже прозвища не липли. Впрочем, имя само по себе звучало прозвищем. Переводится – «воин», «солдат». Разовые клички, типа «шпендик», «клоп» и тому подобные, отскакивали, как от стены на хлипком фундаменте – никто не настаивал, поскольку не хотел оказаться раздавленным. Это было странно, учитывая, что рост Аскера – метр с кепкой. Образно, конечно. Самый маленький в компании. Его телосложение напоминало богатыря наоборот. И взгляд не горел присущей сородичам пусть даже дутой уверенностью или специально тренируемой на страх врагам кровожадностью. Голос – звонкий, мальчишеский, несмотря на прилагаемые усилия. Фальшивая сиплость, как и хрипотца, приводили лишь к смеху. А смеяться над Аскером не стоило – он выходил из себя, и чем все закончится в таком случае, не знал никто.

До этого не доводили. С одной стороны, Нику было завидно, а с другой... Не хочется всю жизнь провести на вулкане, выискивая обиды там, где их нет. На учебу и прочее (а это и есть жизнь) времени не останется. У Аскера так и вышло: успеваемость хромала на обе ноги, еще и горбилась. А затевать свару с человеком склада Бизончика в ситуации, когда достаточно отшутиться...

Ник искал возможность свести стычку к шутке, но, как назло, на ум ничего не приходило. Разрядить обстановку попробовала Фаня:

– Свинина – это хотя бы натурпродукт, с ней ясно, что она добывается из свиньи, как баранина – из барана, конина – из коня. Я бы больше волновалась по поводу говядины.

Да уж, остроумие – не ее конек. Бизончик и Аскер продолжали сверлить друг друга взглядами. Мирон отмалчивался. В таких случаях он всегда отмалчивался. Вот отхлынет разговор от опасного рубежа, и речь самого умного умника найдет включающий рубильник и польется соловьем.

Заговорила Луиза:

– Любое мясо – это необходимые человеческому организму белки, а запреты вызваны религиозными предписаниями. «И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, и всякое дерево, у которого плод, сеющий семя – вам сие будет в пищу». Желудочно-кишечный тракт человека – как у травоядного, а не плотоядного. Человек предназначался для существования в раю. А религии появились, когда на Земле что-то случилось. К примеру, астероид упал. Какая произошла катастрофа – версий много, то есть точно никто не знает, зато последствия известны: «Еще мясо было в их зубах, еще не были съедены птицы, как возгорелся на них гнев Громовержца и поразил их великим мором...» Понятие Бога пришло после пережитого страха. Первое время Его повсеместно ассоциировали с Солнцем. Версия о катастрофе, которая на долгое время закрыла наше светило, очень логична. Растительная пища исчезла или оскудела, а то, что приходилось есть, вызывало болезни и мучительную смерть. Тогда и появились инструкции в виде Священных Писаний. Их не требовалось понимать, их в тот момент нужно было выполнять, чтобы выжить. Запреты на поедание свиньи, тушканчика, зайца, совы, чайки...

– Всех пернатых хищников и падальщиков, – в паузе, вызванной набираванием воздуха, вставил вышедший из ступора Мирон, – крота, мышей, ящериц – всем семейством...

Луиза кивнула ему и продолжила:

– Среди этих запретов сказано: «Все, на что упадет что-нибудь от трупа их, нечисто будет»...

Бизончик нетерпеливо помахивал шашлыком и уже жалел, что поднял тему.

– Хватит портить аппетит, – озвучила Фаня мнение большинства.

Но Луизу было не остановить.

– «Если что-нибудь от трупа их упадет на семя, которое сеют, то оно чисто», «Если же когда вода налита на семя, упадет на него что-нибудь от трупа их, то оно нечисто для вас», «Если же упадет в какой-нибудь сосуд, то находящееся в нем будет нечисто, а самый сосуд разбейте» – что это, если не советы врача неграмотному населению?

– Есть и другой вариант, тоже из эзотерики, – вновь подключился Мирон. – Употреблять свинину виделось чем-то сродни каннибализму, потому что свинья – ближайший родственник человека. Легенды утверждают, что древние знали об этом больше нас.

– Что за чушь про родство? – Бизончик с тревогой оглядел насаженные куски мяса.

– Мирон имеет в виду давно доказанный факт, что ДНК человека намного ближе к свинье, чем к обезьянам, – пояснила Луиза.

– И что бы там ни утверждала теория Дарвина, наука наблюдает обратную эволюцию – инволюцию. – Ник, наконец, понял, как привести разговор к шутке. – Отсюда следует, что все было с точностью до наоборот: не человек произошел от обезьяны, а обезьяна от человека – с промежуточной стадией "человек ленивый".

– А сам человек произошел от свиньи? – улыбнулась Фаня.

– Человек мог вообще ни от кого не происходить, – сообщил Мирон. – Человек – единственное на планете существо, которое не является частью ни одной пищевой цепочки. Все живое живет по другим законам. Когда в Китае боролись с воробьями – вредителями полей, как тогда считали, то расплодили жуков, и те полностью сожрали урожай. Для восстановления равновесия пришлось за валюту массово завозить импортных птичек. А человека откуда ни убери, природа только вздохнет с облегчением.

– Вижу единственное объяснение, – сказал Толик. – Человек – это болезнетворный вирус, он поступает как любой нормальный вирус: перекраивает здоровый организм планеты под свои нужды, пока тот не сдохнет. И пока природа не уничтожена полностью, предлагаю воспользоваться ее плодами.

Он вгрызся в пахнущее дымом горячее мясо, и дискуссия заглохла. Все ожесточенно жевали.

Насытившись главным блюдом, народ вспомнил и о других продуктах. И напитках. В частично подмоченных пакетах нашлись хлеб, огурцы, помидоры... Толик запретил трогать лишь упаковки с чипсами, консервы и сладости, продукты длительного хранения – это на завтра и послезавтра. На алкоголь особенно не налегали, сказывалось соседство лагеря, где, наверняка, с тоской поглядывали через озеро отдыхающие кавказцы.

Пока жарилась вторая партия, решили собрать плававшую тару. Ее назначение оставалось тайной. Луиза, наверное, знала ответ, но молчала. Прозрачные и коричневые емкости окружили брошенный в воде внедорожник, как на августовском поле бахча будку сторожа. Сейчас они медленно расплывались в стороны.

Лезть в воду оказалось проблемой – купальники были только у троих, а плавки, кажется, вообще никто не брал. Ник не думал, что окажется на озере, и тело под спортивными облегал полосатые "боксеры" с ширинкой. На роль пляжного костюма они никак не годились. У приятелей, скорее всего, было так же.

– В чем загвоздка? – Бизончик взялся за ремень и стал его расстегивать. – Или кто-то чересчур стеснительный?

Луиза вспыхнула, Толик тут же покачал головой:

– Борис, ты не прав. Восток – дело тонкое, как говорил классик. Делаем так: у кого купальники, те собирают дальше, а остальные, насколько позволят подобранные штаны, тащат с мелководья.

Рита и Фаня со вздохом полезли в палатки, чтобы вновь облачиться в мокрое, а Оленька, единственная, кто оставался в купальнике, первой ринулась на покорение иной стихии. Она с шумом плюхнулась в воду, и берег окатило волной не меньшей, чем когда в озеро на скорости въехал внедорожник.

– На воздухе холоднее, чем здесь! – провозгласила с фырканием вынырнувшая первопроходчица. – За день прогрелось. Ура-а-а!

Девушки доставали тару с «глубины», где воды было от колен до пояса – до большей плыть и плыть... точнее, идти и идти. Разувшиеся парни ловили добычу у берега и откидывали дальше, а Луиза, оставленная Толиком снаружи, собирала в кучу. Толик командовал.

– Машину как-то вызволять надо, – сказала Луиза виновато. – Ее же, наверное, теперь только тягачом вытащишь...

Толик беззаботно улыбнулся:

– Блокировки включу, сама выползет. Она в таких дебрях бывала – подготовленные джипы от зависти соляркой захлебнутся. В документах сказано, что брод до метра не страшен, а в реальности у меня вообще не машина, а почти подводная лодка. А завтра будет еще кое-чем.

По окончании работ вернувшийся к мангалу Бизончик взбеленился:

– Кто подходил к шашлыкам?!

Сжатые кулаки и выпятившийся подбородок хорошего не предвещали.

Вопрос был глупым, каждый точно знал, что никто. Толик руководил, остальные таскали, все были на виду.

– Не хватает двух шампуров, – объяснил вспышку Бизончик.

Толик равнодушно пожал плечами:

– Обсчитался, наверное.

Оленька, которая лично помогала насаживать мясо, обидчиво поджала губки, а Фаня предположила:

– Может, какие-нибудь животные утащили? Полевые. В полях же кто-то живет.

– Мыши или кроты? – скривился Бизончик. – А также ящерицы, чайки, падальщики... кто там еще в библейской компании? Да, зайцы, тушканчики... Или это совы унесли?

– Или собаки, – сказала Фаня.

– Какие собаки? – Толик обвел руками пустоту вокруг.

– Бродячие, – упорствовала Фаня. – А что? Я хоть какую-то версию выдвинула. Можете предложить другую?

Ник мог, но промолчал. События ему не нравились, количество разных «привиделось» росло слишком быстро. И понятно, что историю с двуногим невидимкой в этой компании озвучивать не стоило. Просто нужно быть осмотрительнее и чаще глядеть по сторонам. Люди постоянно говорят о сверхъестественном, а оно в конце оказывается шуткой природы... или чело-века. Через минуту выяснится, что те же пропавшие шампуры с мясом придуманы или ловко припрятаны ради розыгрыша.

С шашлыками – ладно, но Ник не сомневался, что видел гуляющие отверстия в воде.

Бред. Какая-нибудь большая рыба проплыла. Невидимками, если поразмыслить, могут быть только прищельцы, а они, раз уж сумели сюда добраться, по определению превосходят землян технически. Путешествие пешком через поле или на крыше попутки – не их профиль.

Как и кража нескольких кусков мяса. Если последнее не «прикол» Бизончика, то Фаня права, кроме собак это сделать некому.

– Ой, а вы про вернувшуюся собаку слышали? Это у моей соседки, – затараторила Оленька. Она только что вышла из воды, с купальника текло ручьями, и девушка бездумно помогала ладонями, выжимая ткань мощными надавливаниями. – Потерялась год назад, объявления по всему городу висели, нашедшему награду обещали. За деньгами никто не пришел. Думали, машина сбила или дог-хантеры отравили... Но прошел год, и собака во время обеда очутилась прямо в квартире. Соседку чуть инфаркт не хватил.

Компания вновь окружила мангал, Оленька единственная из всех хоть как-то двигалась и, естественно, собрала все взгляды.

– С обезьяной из супермаркета, должно быть, та же история. – Фаня перетянула внимание на себя. – Была в одном месте, оказалась в другом.

– Это как? – не поняла Оленька.

– Обезьяна хотела бананов, – стала объяснять Фаня. – А где у нас бананы? Правильно, в ближайшем магазине.

– Намекаешь на телепортацию? – Толик насмешливо приподнял левую бровь. – Из «ящика»?

– Не вижу других причин приезда президента.

– Веришь в телепортацию?

– В науку, – поправила Фаня.

Ник с ехидством переглянулся с приятелями: сплетни здесь называли наукой. Вроде бы мажоры, а на самом деле – балбесы балбесами. Интересовались бы исследованиями, читали отчеты, доклады, – знали бы, что до телепортации живых организмов еще как солнца на воздушном шаре. Даже если представить невероятное, то перемещение в любом случае состоится в точку, которую укажут приборы в конструкции телепорта, а не желание телепортируемого.

Умники между собой обсуждали другое. На том однажды и сошлись, хотя кардинально различались во взглядах на очень многое. Различия казались непримиримыми. Например, на мировую историю каждый имел собственную точку зрения, которую отстаивал до потери пульса. Точка зрения определялась национальностью. Ник был русским, Мирон – белорусом... нет, беларусом, как не преминул бы поправить, чтобы тут же опровергнуть и собственное определение, заменив милым его сердцу термином «литвин». Луиза считалась русской, хотя по женской линии имела еврейские корни, что для этого народа важнее записанного в документах. Ей повезло больше, чем известному политику девяностых-двухтысячных, у которого, по собственному выражению, мама русская, а папа юрист. Луиза была своей для всех, для одних, как у них заведено, по маме, для остальных – по отцу, как принято у большинства народов. Русые волосы, светлая кожа и чуткий маленький носик не давали шовинистам бросаться определениями, и только женские имена в семье намекали на нечто несвойственное славянам.

В их маленькой команде «умников» Ник был чернявым, Луиза – светлой. Мирон – почти белым... А вот Аскеру природа подложила свинью, как и Нику, но намного большую. Хотя бы потому, что свинья – чеченцу, что само по себе свинство. Впрочем, считаясь чеченцем по отцу, Аскер носил в себе чуть не весь генофонд человечества. Светлый, чуть рыжеватый, мелкий и юркий – обычный парнишка, который, пока не заговорит, ничем не напоминал горца. Так же выглядели его родители и большинство братьев-сестер всех возрастов – с некоторых пор Ник потерял им счет, к родным Аскера примешивались приехавшие пожить двоюродные, троюродные и так далее, до седьмой воды на киселе. Ника не удивило бы, если некоторые окажутся затесавшимися проходимцами или попавшими в семью по ошибке.

Аскер никогда не видел отца – еще до рождения сына тот, выручая земляков, погиб в драке. Мама-кумычка вновь вышла замуж, новый папа – татарин, дедушки и бабушки в национальностях тоже не повторялись, при этом все были из городской интеллигенции, то есть гор-

цем Аскер назывался исключительно по географии отцовских кровей. Исконный городской житель, он прекрасно говорил по-русски, но с некоторых пор изображал акцент: Аскеру казалось, что так грознее. Выглядеть воином превратилось в манию, уронить достоинство стало главной фобией... а выражение лица, как у наивного кутенка, и мелкая конституция всячески этому мешали.

Тема телепортации иссякла, и Толик перевел внимание на Аскера, чье лицо слишком выразительно отреагировало на псевдоумные дискуссии мажоров:

– Твои друзья из соседнего лагеря – террористы?

Ник весь подобрался и сделал шаг, чтобы оказаться на пути, если дальнейшее приятель посчитает задевающим честь. Луиза так же встала со стороны Толика – автоматически, не раздумывая. Хуже не придумать. Она защищала Толика от Аскера!

У Аскера заиграли желваки, но он остался на месте, и голос прозвучал спокойно, почти равнодушно:

– Они мусульмане, как и я, но если ты вдруг не в курсе, религию в большинстве случаев люди сами не выбирают, вместе с национальностью она достается по месту рождения или проживания. Ты, скорее всего, крещеный, пусть и не носишь крестика. Это же не оттого, что сам выбрал православие, сравнив с другими верами? Будучи крещеным, ты не соблюдаешь положенных ритуалов, и к религии, скорее всего, относишься как большинство – в глубине души допуская, что есть кто-то или что-то, чего мы не понимаем, но не заикливаемся на этом, пока жареный петух не клюнет.

Фаня попыталась перевести разговор в шутовское русло:

– Правоверные считают, что православные ошибаются, а православные – что ошибаются правоверные. Только коммунисты молодцы, они говорят, что правы те и другие.

– Сейчас и коммунисты в храмы ходят не меньше верующих, – возразила не уловившая иронии Оленька.

Она усердно и весьма успешно сражалась со впитавшейся в купальник влагой, и подмерзавшие Фаня и Рита по ее примеру занялись тем же. Из сдавленных богатств Фани потекло, как из выжатой тряпки, у Риты же ничего не получилось, зеленая ткань лишь четче прорисовала содержимое там, куда давили ладони. К пупырышкам на коже добавились два нагло торчащих больших на купальнике. Щупанье девушками себя в разных местах вроде бы отвлекло внимание парней от разговора, но не всех. Сбить накал не удалось.

– Я задал другой вопрос, – упорствовал Толик, – конкретный.

– К этому и веду, – чувствовалось, что и Аскер на взводе, но он держал себя в руках, – ты озвучил штамп, который создали средства массовой информации: если большинство террористов – мусульмане, значит, большинство мусульман – террористы. Это все равно, что если фашисты были немцами, то все немцы – фашисты. Или еще конкретнее: Гитлер – фашист, значит все фашисты – Гитлеры. Логика явно где-то поскользнулась. В телефонных справочниках тридцатых годов полно Гитлеров, и знак равенства между словами Гитлер и фашист заставил множество людей менять фамилию из-за одного уродя, который вообще оказался Шикльгрюбером. Не надо отождествлять частное с общим. Льды Антарктики тают не от того, что кто-то забыл выключить утюг. – Аскер помолчал, чтобы сказанное улеглось в головах. – Террор – самое страшное, что есть на свете. Мусульмане никогда не поднимут руку на других мусульман, иначе это не настоящие мусульмане. А террористы не щадят никого, в том числе своих братьев, по принципу известного папского представителя заявляя: «Убивайте всех, Господь узнает своих».

Мирон собирался что-то возразить, но не решился. Скорее всего, хотел сказать, что фраза вырвана из контекста и перевернута, на самом деле легат Арнольд Амальрих писал Иннокентию III: «Наши слуги и другие люди подлого звания крикнули "К оружию!" и, прежде чем мы успели вмешаться, предали мечу двадцать тысяч человек без разбора на катаров и католи-

ков с криками "Убивайте всех". Молюсь, чтобы Господь узнал своих...» Всем известную редакцию сказанного в оборот пустил Цезарь Хейстербахский только в четырнадцатом веке. Ник это знал, но для остальных верной была другая версия фразы, и Аскер сыграл на этом.

– А джихад, когда убивают всех неверных – это нормально? – вставила Рита.

Все уставились на Аскера. Казалось, его загнали в логическую ловушку.

– В Коране сказано, – ответил он, – «Сражайтесь, ради Аллаха, с теми, кто сражается против вас, но первыми не нападайте. Поистине, Аллах не любит тех, кто первыми совершает нападение». И насчет убийств: «Предписали Мы сынам Исраила: "Кто убьет живую душу не в ответ на убийство или смуту на Земле, тот словно убил всех людей разом"». Джихад можно понимать по-разному, но нужно понимать правильно. Настоящий джихад – война не с людьми, а с собственными пороками. Когда мусульманин, который живет среди неверных, ведет себя так, что они восхищаются и хотят подражать – это джихад. Знаете, как Чечня приняла ислам? Войска халифата пришли насаждать ислам силой оружия, но были разгромлены. Чеченцы не приняли то, что им навязывали. Перевернул жизнь людей Ноя всего один человек.

– Людей Ноя? – Оленька удивленно открыла рот.

На миг она забыла руки на груди, которую все еще тискала, избавляясь от воды. Бизончик, стоявший рядом, бесцеремонно помог ей своими пятернями в деле отжима. Со стороны помощь выглядела совсем не помощью, но Оленька благодарно улыбнулась, а приятельницам достался насмешливый взгляд: «А вам так помочь некому!»

Ник очень надеялся, что внимание и разговор перетечет на девчонок или на что угодно другое, только бы уйти от опасной черты. Не получалось. Начатая тема большинству казалась любопытной.

Ник удовлетворил интерес:

– Нохчи – люди Ноя, это самоназвание чеченцев.

– Один поселившийся в горах праведник сделал то, что не сумели сделать армии халифа, – продолжал Аскер. – Он сделал это примером собственной жизни. И выяснилось, что ислам проповедует те же главные ценности, что и заветы Ноя, по которым жил народ, и, глядя на праведника, люди один за другим принимали ислам. Вот как выглядит истинный джихад.

– Твои бы слова да террористам в уши... – вздохнула Фаня.

– Сказки для маленьких, – одновременно заявил Толик. – Чужой поступок никогда не заставит принять новую религию.

Ник возразил:

– Всего один пример: поступок Христа, принявшего смерть за чужие грехи, заставил многих бросить все и жертвовать жизнью ради новой религии. Можно верить в реальность этого поступка, можно не верить, но за века он перевернул сознание миллиардов людей.

Мирон хотел что-то добавить, но Аскер вдруг хмыкнул и улыбнулся.

– Хочешь, – обратился он к Толику, – докажу, что ты тоже мусульманин?

Все опешили. Толик рассмеялся:

– Попробуй.

– Главный вопрос: веришь, что существует нечто, чего ты не понимаешь – Бог, единственный и всемогущий?

– Я не верующий в общепринятом смысле, но, поскольку крещеный и Библию читал, скажу так: допускаю существование Бога как одно из объяснений возникновения Вселенной. Эта версия не на первом месте, но право на существование она имеет не меньшее, чем остальные.

– То есть, ты все же веришь в это?

– На перечисленных условиях.

– Да или нет?

– Хорошо, верю.

– В таком случае, ты должен согласиться, что обязаны существовать некие проводники высшей воли.

Толик с улыбкой кивнул. Аскер с подобной же улыбкой продолжил:

– Если что – это мы говорим про ангелов, хотя ты можешь называть как угодно, любыми удобными тебе громоздкими научными конструкциями. Далее. Верить, что к людям приходили Божьи посланники?

– Если – как уже говорилось, на тех же условиях – Он есть, то придется поверить. Кто-то же принес на землю всякие заветы.

– Это как раз к следующему вопросу: веришь, что людям свыше давались инструкции?

– Ну и?

– Тогда последнее: веришь, что однажды каждый ответит за то, что сделал в жизни?

– Почему нет? В сочетании с предыдущим все логично.

– Это пять столпов веры. Ты мусульманин.

Толик глупо улыбался. Осознание приходило постепенно.

– Ерунда, – наконец, сказал он. – Вы ходите в мечеть, делаете всякие намазы и что там у вас еще положено...

– Все правильно. Того, что ты сказал, когда отвечал на вопросы, мало, чтобы стать хорошим мусульманином. Кроме веры, что богов не может быть несколько, а Божьих посланников нельзя признавать выборочно, нужны молитва, пост, милосердие и хадж. Хадж, к примеру, из общего числа мусульман совершают единицы, поэтому сказанного тобой для начала достаточно. Ты очень плохой мусульманин, просто никудышный. Но мусульманин.

Наверное, впервые в жизни Толика поставили в тупик. Ответа, чтобы переубедить, у него не нашлось, и он отшутился:

– Не ломай мне мозг, пугаешь тараканов.

На помощь пришла Луиза:

– Прочитую первое послание к Коринфянам апостола Павла: «Ибо, хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле – так как есть много богов и господ много – но у нас один Бог Отец». Спорить не о чем. Если Бог есть – Он на всех один, и неважно, кто из нас к какой конфессии себя относит.

– В таком случае религиозные войны – это аналог войнушки фанатов разных кинофраншиз, которые спорят, чей супергерой круче. – Фаня вновь решила вытащить народ из серьезности. – Хотите загадку? Сын плотника, рожден без зачатия, ходил по воде, боролся со злом... Вопрос: он не ученый, не поэт, но покорил весь белый свет, его повсюду узнают, скажите, как его зовут?

Бизончик с кривлянием запел:

– Бу! Папапара-па-па. Ра! Парапарара-па-па...

– Перестань, пожалуйста, – попросила Луиза. – Это не смешно.

Тот собрался чем-то ответить, но Толик вновь обратился к Аскеру, и остальные притихли.

– Ты долго высказывал свое мнение, развел философию, а на мой вопрос не ответил. Повторю еще раз: твои друзья – террористы?

Атмосфера снова сгустилась. Аскер медленно произнес:

– Если появился интерес, должны быть причины. Обоснуешь вопрос?

– Легко. Складываю факты, и прелюбопытнейшая картинка вырисовывается. Факт первый. Твои сородичи приехали в город ради конкретной работы, которая связана с чем-то опасным, как ты говорил в машине по дороге сюда. Прости, сидя спереди не услышать было невозможно, а говорил ты громко, значит – для всех. Факт второй. Мы встречаем их у озера, отдыхающих перед этой работой. То есть, работа намечается завтра и где-то поблизости. Факт третий. Отсюда через поле или по той стороне озера лесом можно дойти до трассы, которая

связывает город с секретным объектом. И факт четвертый, последний – завтра по этой трассе поедет тот, для кого мы дорогу в порядок приводили.

Окружающие посмотрели на Аскера такими глазами, что он занервничал.

– Шариф с приятелями – не террористы. Фанатиков в их компании нет. Это точно.

– Ты не можешь знать, что в голове у каждого, – сказал Толик.

– В отличие от вас, – ответил Аскер, – у нас – коллективная ответственность. Отвечаем не только за себя. Если на преступление такого рода кто-то решится, пострадают все родственники.

– Будь это правдой, террористов бы не существовало, – заметила Рита.

– На такое идут или поехавшие крышей одиночки, или спаянные клятвой и опасностью члены тайных организаций. С Шарифом таких нет, я знаю всех.

Отлипнув от Оленьки, Бизончик потянулся к вещам:

– Позвоню папе, он найдет, что делать с этой информацией.

Ник слышал, что папа Бизончика работает где-то в «органах». Негромкое бубнение в трубку закончилось объяснением для всех:

– Говорит, спасибо за предупреждение, но перед визитом высших лиц государства необходимые меры принимаются в превентивном порядке, и все под контролем.

Ник верил Аскеру, и все же после звонка на душе стало легче.

В качестве спальных мест для палаток выступили не туристские коврики или подстилки, а надувные матрасы. Не плавательные, а самые простые, из тонкой клеенки, синие, пахнущие резиной. Рассчитанных на двоих, если спать с удобством, или на троих, если потесниться, таких матрасов оказалось четыре, на дополнительные персоны собиравшийся на отдых хозяин не рассчитывал. Пока матрасы надували двумя ножными насосами, в сгустившейся тьме проявились Юрец и Анфиса. Они подсели к мангалу, где дозревала над углями вторая партия мяса. Юрец выглядел довольным, Анфиса наоборот.

Невероятная парочка. Он – тщедушный, невысокий, с узкими, забавно вздернутыми плечами, будто их с детства заставляли расправлять, а Юрец, думая, что всех обманывает, просто приподнимал. В растоптанных кроссовках, джинсах и джинсовой же рубашке на выпуск он напоминал бы бомжеватого ханурика около рюмочной, если не догадываться, какова цена именно таких кроссовок, джинсов и рубашки.

Анфиса была другой. Чувственная, грозная, зеленоглазо-рыжеволосая, что в напичканных штампами сознаниях вызывало ассоциации с ведьмами. Высокая и широкобедрая, с невероятным пожирающим взглядом, иногда плотоядным до дрожи в коленях... В общем, все карты на руках, чтобы пользоваться успехом. Но Анфиса отталкивала претендентов отрицательной энергетикой. Проще говоря, ее боялись. Никакой мистики, только предельно рациональный инстинкт самосохранения. Навязчивость плюс доминирование – не самое желанное женское сочетание в глазах мужского пола. Особенно при полном отсутствии комплексов у носительницы этих качеств.

Юрец, как и Толик, предпочитал раскручивать на «чай, кофе, потанцуем» наивных первокурсниц. Анфиса как раз была первокурсницей, но из той же среды мажоров. Она привыкла получать все, что захочет, а хотела, как правило, лучшее или самое дорогое. Сначала, согласно этому принципу, она получила Толика, их видели вместе несколько дней. Разочарование, видимо, пришло быстро: лидера мажоров не привлекали те, кто рядом, он напоминал волка с вечно голодным блеском в глазах, который рыщет в поисках добычи, даже если сыт. Анфисе же требовался кто-то управляемый, но яркий и чтобы соответствовал статусу. В кругу мажоров такого долго не находилось. Индивидуалы – мало того, что нищие по ее понятиям, так еще поголовно проблемные. А к балбесам душа не лежала – партнер обязан блистать хоть чем-то, «чтоб перед родственниками и друзьями не стыдно было». Периодически Анфиса поглядывала на умников: пусть неказистые и бедные, зато непритязательные, а ум в качестве выда-

ющейся черты, которую можно подать как изюминку, признавали даже недруги. И по складу характера устраивали, так как привыкли подчиняться обстоятельствам – если логика подсказывает, что те сильнее. Представив себя таким обстоятельством, Анфиса пару раз строила глазки Нику – самому высокому в троице. Ход мыслей у нее был тот же, что у Риты: Мирон не устраивал ростом и полнотой, Аскер – еще большей миниатюрностью, рядом с примеривавшейся к нему девушкой он выглядел ребенком.

Ник заигрывания игнорировал, у него была Луиза. Не у него, опять же, но это не имело значения. Она была, и этого достаточно.

Девушки вновь переоделись – опять за исключением Оленьки. От вечерней промозглости ее защищали близость углей и жар периодически обнимавшего парня. Рита и Фаня до горла застегнули молнии спортивных курток, а влажные трупки их купальников украсили вершины палаток. Оставленные сушиться «осьминоги»-дистрофики спускали нити шупалец до застегнутых наглухо окошек, один краснел от мыслей, какие объемы довелось обнимать, второй зеленел от зависти. Оба истекали слюной по недавним ощущениям, тоненькие ручейки бежали к подножию клеенчатых конструкций. Ника этот вид смущал. У него не было сестер и, тем более, не было девушки, которая могла бы вот так вольно выставлять на виду нижнее белье. Купальники, несомненно, относились к разряду интимных принадлежностей, а то, что некоторые считают их верхней одеждой – извращение. Такое нормально в Африке, где климат заставляет ходить почти в чем мать родила. Когда снег лежит по полгода, а в формально «теплое» время года люди часто не снимают свитеров и курток, обнаженное тело выглядит ненормально. «Обнаженное» сказано именно про купальник, он не одежда, а фикция. Адамов фиговый листок. Но в отличие от первопредка, у нас в стране в отношении погоды далеко не райский сад.

Ник поймал себя на мысли, что иногда думает как ханжа. И посторонние, насколько он в курсе, считали его таким. Но не менять же себя в угоду толпе, толпа не всегда права, а флаг, как известно, развевается, только если идти против ветра. И если докапываться до сути, толпа неправа всегда, это главное правило бизнеса, на котором построены все сделанные с нуля состояния. А слово «ханжа» – всего лишь ярлык, которым лицемеры давят тех, кто лучше их. Быть ханжой – значит, требовать от других соблюдать условия, которые ханжа не соблюдал сам. Ник, с отрицательным отношением к обнажению, за комфортные для внутреннего спокойствия рамки не выходил и – второй гвоздь в крышку гроба чужого мнения – от других этого не требовал. Отсюда вывод, что он не ханжа. К сожалению, теоретические доказательства разбивались о реальность, и его продолжали считать ханжой. Ну и ладно. Главное – кто ты внутри, а не кем тебя обзывают злопыхатели.

Вторую партию мяса быстро постигла участь первой, мнения о дальнейшем времяпровождении разделились. Юрца и приглашенных умников клонило в сон, и они не понимали – зачем насиловать себя, если впереди еще два дня приключений? Бизончик настаивал на продолжении банкета:

– Спать нужно дома, мы приехали отдыхать!

Оленька вынужденно поддерживала своего парня, хотя и водила по присутствующим осоловелым взором. Остальные девушки помалкивали, и все глядели на Толика. Тот посмотрел на Луизу.

Стемнело окончательно. Луна вышла и оказалась куцым надкусанным блином. В безоблачном небе зажглись звезды. От темноты, усталости и прохладного ветерка Луиза зябко поежилась и зевнула. Толик в мгновение ока сориентировался:

– Кто спать – добро пожаловать в палатки, если кому уединиться – остров свободы в вашем распоряжении, а мы перед сном еще немножко погуляем. Пошли?

Он протянул руку Луизе, она руку приняла, но уйти в ночь парочка не успела, на пути встал Юрец:

– Давайте с ночлегом разберемся. Остров здесь никому не нужен, нам и на земле неплохо – в отличие от воды она однажды всем будет пухом, и хорошо, если бы в плане удобства, тогда матрасы бы не понадобились. Палаток у нас три. Допустим, одна – для главного по мясу.

Ник не понял: это констатация шашлычного искусства Бизончика или (для тех, у кого хватит мозгов сообразить) намек на массу и быковатость приятеля с его полненькой подружкой. Глаза говорившего сказали, что он человек понимающий больше того, что мелет языком. Скорее всего, первый из смыслов предназначался для самого Бизончика, остальное – для восхищения тонкостью ума оратора более продвинутой аудиторией.

– А вторая из двухместных... – Юрец посмотрел на Толика.

Луиза, как ни мечтала остаться наедине с обретенным "счастьем", непроизвольно сделала шаг назад. Тело ответило за нее.

Это заметили все. Безмолвно, одними взглядами, договорившись о чем-то с Толиком, Юрец закончил:

– Вторая будет наша.

Он шагнул к ближайшей из маленьких палаток и на ходу с вопросом в глазах оглянулся на подружку. Анфиса заколебалась. Не сразу она пошла за удивленно замедлившимся Юрцом. Во время прогулки у них явно что-то не заладилось. Парень сдвинул брови, его взгляд указал сначала на Толика, затем на машину.

Ситуация заставила Анфису последовать за кавалером, особого смысла в котором ей уже не виделось.

– Спокойной ночи. – Всем видом она продемонстрировала, что поступает так исключительно ради общего блага.

Ник тихо радовался происходящему. Но оно было странным. Такие, как Толик, не останавливаются на полпути.

– Спокойной? – Обхватив за широкую талию, Бизончик поволок Оленьку в отведенные хоромы. – Не дождетесь!

Не считая собравшихся погулять, снаружи остались Ник, Мирон, Аскер и Фаня с Ритой. На всех осталась большая палатка, рассчитанная на семью из нескольких человек и два матраса. Матрасы производитель считал двухместными. Любопытно, куда денутся Толик с Луизой, когда вернутся. Втиснуться к остальным можно, но захотят ли? Не об этом ли переглядывались два мажора-ловеласа?

В палатке Бизончика и Оленьки послышалась тихая ругань – раздеваться вдвоем при их габаритах оказалось сложно, хлипкое жилище едва не завалилось на бок. Затем оттуда нежно донеслось:

– Боренька, повесь.

Боренька, Оленька... Вот откуда у их сюсюканья ноги растут. Впрочем, уменьшительно-ласковым Бизончиком быковатого кабана прозвали раньше, значит, это уже хроническое.

Бизончик показался из проема уже без майки и, размещая на крыше мокрые тряпочки подруги, кивнул Толику на полуутопленный колесный агрегат:

– Танки под водой ездят, но их там не хранят.

Толик повернулся к Луизе:

– Закрепим навыки? Жди здесь.

Прошлепав по воде до задней дверцы машины, он присел на ухотивший вглубь ровный пол сложенных сидений, отряхнул ноги, втянул их, и дверца за ним закрылась. Через миг двигатель всхрапнул, колеса одновременно провернулись... Внедорожник, медленно гребя всеми «лапами», буксуя, но не сдаваясь, подтвердил свое название. Красное чудище – пыльное, грязное и побуревшее в темноте почти до черноты – залило песок волнами и, вслед за тем, недо-

вольным бегемотом выбралось на берег. Толик перелез на пассажирское место. Луиза, даже не обернувшись, радостно вскочила по подножке в открытую дверь.

Глядя на застывших в ступоре умников, Рита едко обронила:

– Все идет как надо, только мимо?

Перед заселением каждый удалился на минутку в темноту. По возвращении душевное равновесие подверглось испытанию: Бизончик выполнил обещание, они с подругой наполнили ночь жизнью, о тишине и спокойствии оставалось мечтать. Под живописно представляемый аккомпанемент Фаня, Рита, Аскер и Мирон втянулись в жерло брезентовой пирамиды. Ник остался снаружи.

– Мне надо, – туманно пояснил он удивленно выглянувшей Рите, не договорив, что именно.

Он просто остался. Уснуть в таком состоянии невозможно, а нервы не железные. Еще пара язвительных замечаний Риты, и он не выдержит.

– Понятно. – Рита кисло улыбнулась. – Рулон лежит в пакете с хлебом. Ибо, как известно, не хлебом единым...

Застежка входа вжикнула, закрытая изнутри – плотно, чтоб ни один комарик не проник. В районе «ящика» это было излишним, комаров здесь не водилось. То ли сказались особенности сухой и пустой местности, где лес сосредоточился исключительно вокруг охраняемого объекта, то ли действовала обработка Нижнего и Верхнего озер специальной химией, которая убивала личинок. Потому и любили горожане отдыхать на этих озерах.

Не спалось не только из-за нервов.

Луиза.

Невидимка.

Две нарывающие занозы в мозгу. Мысли о Луизе вызывали боль, и Ник сосредоточился на невидимке. Нужно рассмотреть все версии. Если это не глюк и не случайное проявление природных сил – то что? Или – сам вопрос вызывал дрожь – кто?

Два шампура с мясом уволок чужак, или это шутка своих? Если невидимка существует, то, может быть, его как привезли, так и увезли с собой, когда машина уехала? Потому он больше не проявляется. Но он, собственно, и не проявлялся иначе, как похожими на мистику визуальными эффектами. Страсть чуждого человеческого логике создания к жареному мясу мозг отринул – не надо связывать зеленое с горячим, а мокрое с длинным, это непродуктивно.

Ник пошел вдоль берега. Недалеко, чтобы услышать, если что-то произойдет. И чтоб его услышали, если невидимка окажется реальностью, причем реальностью неадекватной, с иной инопланетной логикой. Либо агрессивным чудовищем. Когда чего-то не понимаешь, нужно предполагать худшее и быть готовым.

Второй причиной, почему Ник не удалялся от лагеря – не хотелось пропустить возвращение внедорожника. На горизонте иногда мелькал свет фар, но вновь исчезал. Или Нику казалось, и воображение принимало желаемое за действительное.

Из темноты он видел, как вылезали из палатки и крутили головой сначала Фаня, затем Рита. Точнее, когда Фаня, оказавшись снаружи, повглядывалась во тьму и пошла за палатки, появилась Рита, она долго смотрела по сторонам и нырнула обратно.

После похожего на лосиный рев трубного гласа Бизончик утомился, аналогично утихли взвизгивания и вопли, в которых поставило точку счастливое всхлипывание. Тишину ночи больше ничто не нарушало.

Фани долго не было. Ника это беспокоило – невидимка не выходил из головы. Пришлось выйти в поле, но фигурка в белой спортивке благополучно появилась в противоположной стороне. Если Фаня сделала такой круг – может, искала Ника? Или тоже переживала за отсутствовавших Толика и Луизу, причем за обе половины этой – вот же, никогда не думал, что скажет

такое – пары. Фане еще хуже, чем Нику. Сложились такие условия, в которых она никого не может ненавидеть, ее доля – любить обоих.

Едва Фаня скрылась в большой палатке, из ближней маленькой выбралась Анфиса. Обуваться она не стала, только джинсы подтянула. Под накинутой на плечи расстегнутой блузкой сверкнуло белизной – майка и белье определенно отсутствовали. Несколько шагов в противоположную лагерю бездну черноты – и Анфиса едва не споткнулась, когда во тьме проявился Ник.

– Напугал. Хорошо, что это ты. Проводи, а то мало ли.

Теперь Анфиса смотрела вниз, явно жалея, что не надела обувь. Здесь земля была рыхлой, ноги проваливались и увязали. Ник сопровождал сбоку на небольшом расстоянии, в мыслях крутилось упомянутое «мало ли».

– Тоже что-то видела? – не вытерпел он.

– Ты о чем?

Значит, не видела.

– Что-то привиделось, и не пойму – в реальности или показалось. Ничего такого не заметила?

– Какого?

– Непонятного.

– Из непонятного здесь только ты.

Комплимент? Ник замолчал. И Анфиса больше не проронила ни слова, только периодически косилась на него, словно чего-то ждала.

Одни в ночи. Звезды подхихикивали и с намеком подмигивали. Тьма подзуживала, настраивала на чувственность, заставляя ощутить себя единственными людьми на планете. Пустота небес утягивала мысли в невозможное и произвольно будила запретные желания. А старавшийся растянуться миг прямым текстом вопил, что больше не повторится. Романтическая атмосфера бодрила кровь и звала к приключениям. Нику показалось, что Анфиса рассчитывала именно на это. Да он и сам рад бы... если бы не Луиза.

Они отошли достаточно, чтобы не быть заметными из палаток. Анфиса остановилась, спокойно расстегнула джинсы и стянула до колен вместе с трусиками. Здесь романтика и закончилась. Успевая заметить, как Анфиса присаживается на корточки, Ник отшатнулся.

– Было у падишаха два прорицателя, – донеслось сзади, – один объявил: «Повелитель, все близкие тебе люди умрут». Прорицателя казнили. Второй сказал: «Владыка, ты переживешь всех близких». Его наградили. – Фоном рассказу служило легкое журчание. – Ты слишком хмурый, Ник. Слишком серьезный. Будь проще.

Ник передернул плечами.

– Я пойду.

– Подожди. – Анфиса повозилась с одеждой и появилась рядом уже в приличном виде. – Мне плохо. Я чувствую, что тебе тоже плохо. Обоим не спится. Давай погуляем. – Кивок указал на береговую линию, откуда только что пришел Ник.

Отрепшенно и почти безвольно он зашагал рядом. Нужно уйти, но в палатке компания не лучше, там ждали новые вопросы и проблемы. Анфиса правильно сказала: им обоим плохо. Этим и зацепила.

– В чем смысл жизни? – огорошил его тихий голос Анфисы.

Вот оно, проклятие умников – сыплются глобальные вопросы, обращенные как к последней инстанции. А когда начнешь отвечать, в ответ лишь посмеются или унизят. О смысле жизни Ник мог философствовать бесконечно, но, к сожалению, нынешняя собеседница – не тот человек, с кем приятно дискутировать о великом и вечном, а также о непознаваемом. Просто невозможно. И ненужно.

Он ответил просто:

– Родить детей, а дальше с этим вопросом пусть мучаются они. Священные писания о том и говорят: и сотворил Бог человека по образу Своему, мужчину и женщину, и благословил их, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами и зверями морскими, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. И увидел Бог все, что Он создал, хорошо весьма. – Ник выждал небольшую паузу. – Наполняйте землю, и обладайте ею – вот и весь завет. И весь смысл.

– То есть, кроме «плодитесь и размножайтесь» ничего другого человеку в обязанность не вменили? – Анфиса еще больше замедлила шаг, который при желании обогнала бы черепаха.

Ник помрачнел. Вспомнился ровный пол сложенных сидений внедорожника. «Плодитесь и размножайтесь». Ничего больше. Почему же забравшаяся в сердце зубная боль не дает дышать?

Он не ответил и ускорился. Не хотелось, чтобы спутница увидела позорный блеск в глазах. Совсем не тот блеск, который должен быть у мужчины.

Анфиса нагнала его и взяла под руку. Поняла и сочувствует? Скорее, задумалась о чем-то своем. Говорила ведь, что ей тоже плохо.

Они шли, подстроив шаг друг под друга, бедро касалось бедра, лица глядели вперед. Озеро прочертила лунная дорожка, трава под ногами приглашающе расступалась и что-то нашептывала. Все располагало, чтобы наслаждаться моментом.

Анфиса заговорила:

– В детстве я как-то попросила родителей рассказать мне про религию. Зря. Из долгих объяснений запомнилось лишь одно, поразившее до глубины души: за безупречную праведность Марию наградили беременностью. Мне это очень не понравилось, и я изо всех сил старалась не попасть в похожую ситуацию. – Она остановилась, а перехватившая локоть Ника рука заставила замереть и его. – Резинка есть?

Ник запнулся.

– Н-нет.

– У меня с собой кончились, а в палатку к этому идти не хочу. – «К этому» Анфиса выделила брезгливо-презрительно, будто речь о мокрице. – Возьми у друзей.

– Нет. – Ник высвободился.

– А как же «плодитесь и размножайтесь?» – В ночи вкрадчивый голос Анфисы втекал в мозг минуя уши, оплетал и обездвиживал. – Сам же сказал, что ничего другого человеку не заповедано.

Сопrotивляться было трудно, но надо.

– Это обязанность искренне верующего.

– А ты, наверное, что-то вроде Толика, если судить по его разговору с Аскером: не веришь, но в качестве гипотетической возможности допускаешь? – Дождавшись кивка, Анфиса улыбнулась: – Если допускаешь и однажды это окажется правдой, то с тебя спросят за отлынивание.

Она победно выпрямилась. Для нее все звучало логично, но Ник видел брешь в рассуждениях. Он ударил в слабое место:

– Готова исполнить заповеданное здесь и сейчас?

К его удивлению, Анфиса приняла вызов.

– А ты?

Ник не ожидал. Или она не до конца поняла смысл?

– В исконном библейском смысле? Если это дело принципа – я готов.

С минуту два взгляда сверлили друг друга. До Анфисы, наконец, дошло.

«Плодитесь и размножайтесь».

– Дети – это здорово, – улыбнулась она, – но сначала, думаю, надо потренироваться.

– Юрец для этого уже не подходит?

– Мы поругались. Точнее, я поругалась. Знаешь, из-за чего? Скачу себе в светлое будущее, а эта довольная обезьяна сложила руки за голову и с ухмылочкой рассуждает: с новенькой ему перепадет уже сегодня или «придется ждать до завтра». – Анфиса осеклась. – Прости, не подумала.

Хорошо, что тьма скрыла, как Ник побледнел. Он считал, что о душевной драме догадывалась только Фаня – она была в такой же ситуации и почувствовала родственную душу. Оказалось, его симпатия на лбу написана.

– Ведь Луиза тебе нравится?

Ник выдавил:

– Мы просто друзья.

– Видел бы свои глаза, когда на нее смотришь. Даже когда о ней говоришь.

– Как же получается, что Юрец тоже рассчитывает на Луизу?

Выталкивалось это предложение, да еще с дорогим именем, сложно и больно. Анфиса с дружеским участием прижалась к Нику:

– У них с Толиком нечто вроде пакта. Когда попадается что-то интересное, один помогает создать ситуации, второй скидывает ему отработанный материал. Юрец не против секонд-хэнда, сам по себе он – убогое ничтожество, даже заняться спортом себя заставить не может. Без Толика и без денег он никто, лишь языком болтает.

Деньги и подвешенный язык – это немало, Ник не мог похвастаться ни тем, ни другим. Как и любовью к спорту. Если выбирать между спортом и знаниями, выбор очевиден, потому и сделан. Выбор спорта тоже перед глазами, храпит неподалеку в отдельной палатке. Правда, в отличие от любителей знаний, он почти никогда не храпит в одиночку. Утешало, что мышцы – на время, а знания – навсегда. Ну, «навсегда» – громко сказано, маразм и склероз никто не отменял. Зато у любителей спорта – возрастная дряблость перекачанных мышц. Один-один.

– Ты тоже прошла через условия их пакта? – грубо спросил он.

Анфиса чуть отстранилась, в голосе прозвучали гордые нотки:

– Это я раскрутила Толика, а не наоборот. Но Толик – козел.

С последним Ник не спорил.

– Толик – коллекционер, – все же добавил он, – его интересует только новое.

– Он игрок, – поправила Анфиса. – Гоняется исключительно за недоступным.

Они стояли впритирку, обоим стало ясно: нужно или разойтись, или что-то сделать. Исчерпанная тема, уходя, уронила настроение ниже первоначального. Ник оглянулся на палатки, темневшие вдали. Пожалуй, пора возвращаться.

– Искупаемся? – Анфиса указала на озерную рябь.

– У меня нет плавок.

– У меня тоже.

– Не хочу.

– А еще спрашивал, не видела ли я чего непонятного. Все могу понять, только не тебя. Это у тебя из-за Луизы? Будешь ждать очереди? Я была о тебе лучшего мнения.

Она скинула блузку, под которой действительно ничего не оказалось, бедра и ноги избавились от тесноты джинсов, затем горку одежды украсил последний элемент, ажурный и полупрозрачный.

Ник не успел уйти – во тьме что-то хлопнуло.

Он замер. Посторонние звуки забивались брызжащими плюхами ног Анфисы – она бежала по мелководью в желании быстрее добраться до настоящей воды. Когда уровень поднялся выше колен, задираТЬ ступни стало проблематично и попросту некрасиво, для знающей себе цену особы женского пола это хуже расстрела. В ее исполнении купание продолжало идею соблазнения, в лунном блеске озера терялись многие подробности, но добавлялись природное

очарование и некая нереальность происходящего. Анфиса чувствовала, что на нее смотрят, и остановить ее самовлюбленную игру могли только пуля в сердце или живая мышь перед глазами.

В воде с мышами туго. Оставалось надеяться на пулю.

Взбаламученная гладь прорвалась под обрушившейся массой, после выныривания разнеслись фыркание и захлебывавшиеся звуки, которые обрывались на середине, затем вновь полетели брызги...

– Анфиса! – позвал Ник.

– Созрел? Иди сюда!

Матово светившаяся чаровница подпрыгнула в воде, и зовущее движение рук словно обняло мир.

– Посмотри направо.

Теперь не нужно было прислушиваться – знакомой дорогой сюда опять шли соседи. На этот раз делегацию возглавлял лопухий Эмин, его сопровождали трое небритых черноволосых парней, у каждого в руках были пакеты и бутылки.

– Извиняемся, мы на минутку и с подарками. От нашего стола – вашему столу.

Приблизившийся Эмин говорил с Ником, а лицо, как и лица сородичей, не отрывалось от озерной наяды. Она распласталась вдоль дна, чтобы торчала только голова, но белые шары в воде, в которых будто включили подсветку, от берега просматривались замечательно.

Чувствовалось, как гости напряжены. Будто в насмешку Анфиса поднялась во весь рост и, чуть наклоняясь в разные стороны, стала отжимать и поправлять спутавшиеся волосы. Игры вышли на новый уровень.

– Спасибо, у нас своего хватает, – сказал Ник.

Гости вспомнили о его существовании.

– У нас лишнее, возьмите, нам столько с собой не забрать, – ответили ему, глядя не на него.

– Ник, я пошла спать. – Красиво поднимая ноги, Анфиса продефилировала к берегу.

– Красавица не хочет составить компанию молодым людям, которые умеют быть благодарными?

Вопрос предназначался Анфисе. Ответ прозвучал сокращенно от предложенного:

– Спасибо, красавица не хочет.

На берегу Анфиса подобрала с земли одежду и направилась к своей палатке. Все время, пока она, красиво двигая бедрами, шла, а затем влезала в клеенчатый проем, стояла мертвая тишина. Когда «спектакль» закончился, Эмин похлопал Ника по плечу:

– Повезло тебе, друг.

Еще раз с тоской оглядев лагерь, осиротевший после ухода искусительницы, гости удалились.

Ник перенес дары к остальным продуктам. Из большой палатки в очередной раз выглянула темная голова. Обнаружив Ника в лагере, Рита вдела ноги в кроссовки и подошла.

– Что за голоса – там, только что? – Ее палец, украшенный массивным кольцом, указал на берег.

– Дед Мороз ошибся временем года и принес подарки.

Рита задумчиво встала перед Ником – худая, смуглая... скорее излишне загорелая, поскольку загар создавался и поддерживался искусственно. Сейчас Рита напоминала креолку. Или туземную принцессу, увешанную драгоценными побрякушками. Выражение лица сообщало: посмей обидеть или не послушаться – придет царственный папаша и прикажет зажарить виновника на костре. Черные волосы просто спускались на плечи, но, судя по часто кидаемым на нее завистливым взглядам приятельниц, эта простота стоила неизмеримых здравым смыслом средств и времени. Впалая грудь и костлявые конечности секс-бомбу из Риты не делали,

но всем, что могли дать деньги, она пользовалась в полном объеме. Золотые серьги, цепочки на шее и на запястье, три кольца с камушками, которые в силу параллельности существования Ник опознать не мог, вместе с эффектом от соляриев, массажей, косметических процедур и прочего делали из Риты дорогую куклу, купленную богатенькими родителями исключительно из-за цены: если в магазине столько за нее запросили, может, она действительно представляет из себя что-то, чего сразу не видно?

Время шло, а никто ничего в Рите не обнаружил. Парня у нее не было, вернее, они так часто менялись, что не запоминались лица, не говоря об именах. Клевавшие на деньги разочаровывались: чтобы присоседиться к рогу изобилия, следовало отработать право на доступ. Учитывая итог, оно, видимо, того не стоило.

– Прогуляемся? – По примеру только что ушедшей Анфисы, Рита кивнула на уходившую во тьму береговую линию.

– Из меня плохой собеседник, тебе лучше найти другого.

Считая себя королевой, Рита не могла понять, что «подданным» плевать на ее благосклонность.

– Почему ты думаешь, что мне нужен именно собеседник?

– Для иных развлечений найдутся лучшие варианты.

– Мозги не видно, зато хорошо видно, когда их не хватает, а у тебя их столько, что даже видно. А мозг, как говорила одна весьма любимая мужчинами актриса, «это мой второй любимый орган».

– Уже поздно. – Нику надоели игры. – Я не в настроении, хочу спать, и резинки у меня нет.

Глубокие глаза Риты помутнели.

– До этой минуты я была о тебе лучшего мнения.

Нервным шагом худенькая фигура удалилась обратно в палатку. Ник снова остался один.

Вдали показался прыгающий свет. Приближаясь, он сначала разделился надвое, затем исчез: не желая будить спящих, водитель выключил фары. К лагерю машина подползла едва слышно и заняла позицию, чтобы вид на нее перегораживала палатка Бизончика.

Как ни старались прибывшие сделать это тихо, на звук вылезла Фаня и отправилась поговорить с сестренкой. Главный вопрос – где разместятся Толик и Луиза – до сих оставался подвешенным.

На обратном пути Фаня заметила Ника.

– Они останутся спать в машине, – сказала она то, что волновало обоих.

Ник без сил опустился на корточки. Фаня так же присела рядом. Боль каждого не нуждалась в объяснениях, ничего не надо было говорить, оба все понимали. Его любимая – с другим, ее любимый – с другой. Общая боль связывает сильнее общей радости.

Ник вдруг понял, что оставаться один сейчас не может. Идти в палатку к Рите и новым проблемам? Увольте.

– Погуляем? – Он показал Фане на подсвеченный месяцем берег, куда только что отказался идти с Ритой.

Но он был там с Анфисой, потому что она сказала: «Мне плохо, тебе тоже плохо», и это сблизило.

Фаня молча поднялась и взяла его под руку. Они брели вдаль, словно дети, которые потерялись в бесконечности мироздания. Фаня прижималась все сильнее, шаги подстроились, ноги теперь двигались синхронно.

– Коля, за шашлыками обсуждали тему рая на Земле, который кончился неким катаклизмом, и что человек – вирус. Как думаешь, что будет в будущем: возвращение в рай, или у планеты сработает иммунитет?

– Если человек – вирус, то он же одновременно лекарство. Он сам себя уничтожает в количествах, которые не снятся антибиотикам.

– Значит, рай? Ну, если человечество все сделает правильно?

– Чтобы что-то правильно сделать, сначала нужно научиться правильно думать, и по правильным желаниям принимать правильные решения.

Ник поморщился: ну и формулировочка выродилась. Но Фаня мысль уловила и даже сделала вывод.

– Достаточно, чтобы все думали правильно, это и был бы рай.

– Скажу больше и короче: достаточно, чтобы все думали.

Оба снова замолкли.

Они шли по линии разграничения песка и травы. Во время сильного ветра сюда доходили волны, а сейчас сухой песок поскрипывал под ногами, озерная гладь поблескивала и подмигивала. Тишина пыталась дарить покой, которого жаждали души.

Ник взялся за вторую из волновавших его тем, чтобы на время забыть о первой.

– Ничего странного вокруг не заметила?

– Для меня в этом мире все странно. Странно, что я еще не свихнулась.

– Я видел невидимку, – честно сказал Ник.

Фаня ничуть не удивилась.

– Луиза только что про такое рассказала. Но они не видели, а почувствовали. Луиза была за рулем. Ехали через поле. Вдруг – сильный удар, вопль, и тишина. Толик дернул ручник, машина встала. Огляделись – в свете фар пусто, по бокам тоже. Толик обошел машину, посветил телефоном, заглянул под днище. Ничего. Но не зря остановились – нашлись пропавшие шампуры. Просто валялись в поле.

– С мясом? – не удержался Ник.

Собаки мясо съедят сразу, а пришелец из другого мира, внеземного или параллельного...

Неизвестно, зачем ему мясо. Но кража шампуров оказалась не шуткой, значит, возможны варианты.

Фаня отрицательно мотнула головой:

– Пустые. Когда Луиза вновь тронулась, машину тряхнуло, будто через кочку переехала. Естественно, в голову пришло, что через кого-то. Но поле, говорит, было ровным. Толик переключил коробку передач так, чтобы включилась камера заднего вида, но сзади не оказалось ничего, кроме пустоты. В общем, сплошная мистика. А что видел ты?

Ник вкратце рассказал. Фаня кивнула, ни вопросов, ни удивления не последовало. Словно и не слушала. Может, и правда, не слушала, думая о своем, потому что раздалось:

– Коля, о чем ты мечтаешь?

Со времен первой встречи Фаня звала его Колей, как родители. Он не возражал. Было время, когда современное и казавшееся весомым «Ник» нравилось больше и заставляло представляться только так. Сейчас теплое родное «Коля», пришедшее из детства, грело и будто гладило по голове, при этом грудной голос Фани пробирал до мурашек по коже. Обволакивающий тембр, сейчас вовсе не направленный на достижение женских целей, все равно мешал сосредоточиться. Даже в страдании Фаня оставалась истинной женщиной, бессмысленно источая флюиды искушения в пустоту и покоряя то, что не требовалось. Ни ей, ни ему.

Задумавшись о прозвучавшем вопросе, Ник не придумал ничего, что выразило бы чувства. Он сказал просто:

– Как все. Мечтаю о простом человеческом счастье.

– И о любви?

Напоминание всколыхнуло боль.

– Как думаешь, мечты сбываются? – не дождавшись ответа, добила Фаня.

– Хочешь узнать, верю ли я в чудо? Да. Иначе зачем это все? – Свободной рукой Ник обвел притихший мир.

– Ты, Мирон и Аскер – вы трое мечтаете об одной. Если бы мечты сбывались – разве ваша мечта имеет шанс осуществиться?

Ник резко развернулся.

– Пойдем обратно.

Рука Фани вновь зацепилась за его локоть, но недавняя теплота исчезла. Теперь каждый думал о своем.

Шли молча. Чем ближе оказывался лагерь, тем труднее взгляд сосредотачивался на чем-то другом, кроме блестящего силуэта машины. Ноги сами вели к ней, а не к палаткам. Фаня сделала вид, что не замечает, куда ведет Ник. Впрочем, ответа, кто вел, а кто велся, не существовало, в их паре оба были лицами заинтересованными.

– Кажется, Бердяев сказал, что ожидание чуда есть одна из слабостей русского народа, – пустился Ник в рассуждения в тщетной попытке отвлечься. – Я типичный русский. Это ответ на твой вопрос. Неважно, что нечто невозможно. Я русский. Пусть немцы руководствуются логикой, евреи – расчетами, а я буду верить и ждать. Кстати, что расчетливая еврейская кровь в тебе говорит по поводу твоего предмета обожания?

Фаня вздрогнула.

– Ты о Толике?

– Разве твоя мечта более осуществима, чем нелогичная моя?

– Смотря что подразумевать под мечтой.

– Быть вместе, – сказал Ник.

– Мы и так вместе. Не хмыкай, моя мечта быть рядом сбылась, я – рядом.

– Не в том смысле.

– Но рядом, – упрямо повторила Фаня. – Я вместе с ним радуюсь, когда ему хорошо, и помогаю, когда у него проблемы. Я намного счастливей тебя – тебе плохо в обоих таких случаях. Ты не помог бы Луизе остаться наедине с другим, как бы ей этого ни хотелось. Ты делаешь то, чего хочешь сам. Когда мечты разбиваются о реальность, тебе больно. По сравнению с тобой я могу считать себя счастливым человеком.

Оба снизили голос до шепота, ноги старались ступать неслышнее.

– Не понимаю, – признался Ник. – Это не любовь, этому даже нет названия.

Фаня укоризненно покачала головой:

– Это и есть любовь.

Ночь давила безмерностью, сверху скалилась ущербная луна, в палатках посапывали спящие. Кроме сопения, трепыхания палаточной ткани и стука в сердце все четче слышался скрип – чуть различимый, но его источник не оставлял сомнений.

Пальцы спутницы затвердели и превратились в когти. Ник едва высвободился. Фаня не заметила. Она смотрела вперед.

Мутное пятно внедорожника размеренно колыхалось, запотевшие с внутренней стороны стекла превратились в непроницаемый занавес. Изнутри одно из стекол украшало нарисованное пальцем сердечко.

У Ника перехватило дыхание и кольнуло в груди. Оба остановились. Ноги отказались идти дальше.

Фаня осторожно потянула Ника обратно. Он не сопротивлялся. Не оглядываясь, они зашагали в ночь.

– О чем ты думаешь? – глухо втекло прямо в ухо.

Ник ответил не сразу. В висках стучало: «Плодитесь и размножайтесь». И все? Это – высшая заповедь?!

Не все. Еще – «око за око, зуб за зуб». Но дальше – «Если ударили по левой щеке, подставь правую».

Нельзя зуб за зуб. Но еще больше не хотелось подставлять правую.

– Думаю о чувстве, которое нельзя пускать в свою жизнь, – тихо сказал Ник.

– Я тоже думаю о мести.

– Только что ты говорила другое.

– Я была не права. – Голос Фани отвердел. – Я люблю его не меньше, чем ты ее. Но он сейчас «любит» ее. Я не хочу с этим мириться.

Она рывком остановила Ника и повернула к себе. Как куклу. Потому что мысли, желания, мечты – все исчезло.

Он не ответил на ищущие касания. Просто стоял. Взгляд, направленный сквозь активизировавшуюся Фаню, тупо смотрел вдаль.

Вжикнула молния спортивной куртки, белые крылья разлетелись в стороны:

– Если незаслуженно обидели – заслужи.

Чужие руки положили ладони Ника на то, о чем мечталось совсем не в этом исполнении. Но это...

Сейчас это было важнее. Потому что было. Потому что здесь и сейчас. Густое, спелое, жадное...

Жар холодной мякоти ударил по мозгам. «Здесь и сейчас» – девиз Толиков. Луиза сейчас с Толиком. Почему? Потому что он лучше Ника почти во всем.

«Почти». Сказано ради самоуспокоения. Это тупое и неаргументированное внушение себе, что все вокруг плохие, а он один хороший.

«Чем же я лучше? Если пойду на поводу – буду таким же. Но я не он».

Руки отдернулись. Ник опустил голову.

– Прости. Не хочу, чтобы потом мне было плохо, оттого, что сейчас будет хорошо. Мы оба ничего не докажем ни себе, ни им. Но нам с этим жить.

Прошло немало времени, прежде чем в ответ донеслось устало-задумчивое:

– Знаешь, а в тебе тоже что-то есть. – Фаня застегнулась и на миг оглянулась на скрытую в темноте машину. – Настоящее. Только оно боится само себя.

– Пойдем спать? – Ник указал подбородком на палатки.

– Да.

Четыре ноги делали вид, что слушаются хозяев, хотя двигались по собственному усмотрению. Открывая палатку, Ник вспомнил, что не удосужился узнать, как договорились с размещением. Спрашивать было поздно. Он пропустил Фаню вперед, надеясь, что, как обычно, все устроится само собой.

Фаня легла на свободный матрас, на другом Рита спала между Мироном и Аскером – она обнимала первого, второй похрапывал сзади, забросив на нее руку и ногу.

– Ночью прохладно, а одеял нет, – шепнула Фаня застывшему на пороге Нику. – Рита сказала, что джентльмены, если они джентльмены, обязаны не дать дамам погибнуть от холода. Ты меня не бросишь в беде?

Ник аккуратно пристроился у нее за спиной.

– Спасибо, – сказала Фаня.

– Ты меня тоже греешь, так что взаимно.

– Не за это. Сам знаешь за что.

Ник промолчал. На входе в палатку он уже корил себя за «слабость», сейчас живое тело в руках сулило быстрое счастье, колени упирались в широкие бедра, в районе паха елозило нечто мягкое и ненасытное.

«Спасибо» все расставило по местам. Ник – не Толик. Точка.

Глава 6. Купальники, плот и амбалы

Утро началось с того, что девчонки искали купальники. Вечером их оставили сушиться на палатках. От ругани покраснели бы грузчики, особенно доставалось парням – подозрения в первую очередь падали на них.

– Если сейчас же не вернете... – неся угрожающий голос Риты из-за палаток.

– Серьезно, отдавайте, пока мы добрые, – вторила Фаня, бродившая где-то рядом с Ритой, – или включу злопамятность на максимум, а фантазию выставлю на половину. Кто меня знает, поймет, что это больше, чем вынесет вменяемая особь, если имеет интерес остаться вменяемой.

Оленька чуть не плакала:

– Пошутили, и хватит. Ну, пожалуйста!

Она, видимо, основательно вложила в эту деталь туалета и теперь в трансе поджаривалась на внутреннем огне.

– Может, ветром унесло? – успокаивал Бизончик.

– Смотрели везде, всю округу обошли!

– Тогда соседи утащили.

Нику показалось, что Бизончик в курсе, что произошло, или допускает некую возможность, влезать в которую не жаждет. Если так, то в деле однозначно замешан Толик.

Ник поглядел на соседей. Мирон спросонья тер глаза, Аскер разминался – крутимый ногами «велосипед» едва не сносил полог палатки.

– Соседи нас по дружбе едой завалили, – донесся голос Анфисы.

– Наверное, не просто так, – отозвался Бизончик. – С чего вдруг такой страстью к нам воспылали?

– Не к вам, а к нам, – отбрила Фаня.

– Или чтобы туда, куда им надо, налегке идти, – деловито дополнила Рита.

– А по пути чужое прихватили, – не успокоился Бизончик, – в качестве компенсации. Чтобы, тысызть, было, что вспомнить.

Всех заткнула Анфиса:

– Соседям будет, что вспомнить. За подарки я с ними расплатилась.

Над лагерем повисла тишина.

– Каждый думает в меру собственной распушенности. – Анфиса хмыкнула. – А я лишь обменяла панем на цирцензес.

– Чего? – не поняла Оленька.

– Хлеб на зрелища, – пояснила Рита. – Хлеб и зрелища были единственными требованиями римского плебса.

– Господа патриции и патрицианки, а может, с купальниками – как с шампурами? – предположил Юрец.

Ухмылявшийся тон позволил думать именно на него, но что с него взять? Пока не признается, взятки гладки. Даже если купальники найдутся в его вещах, он скажет – подбросили. Скользкий тип, и связываться – себе дороже.

– Шампуры нашлись в поле, – рассказала Фаня.

– Вот и ответ, где искать, – закрыл вопрос Юрец.

Или утащил невидимка, которого сбила Луиза. Ник не исключал и такое. Тогда искать купальники нужно следующим образом: разбить поле на квадраты и детально прочесать каждый. Хотелось подбить народ на эту авантюру, вдруг получится еще раз наткнуться на невидимку? Если что-то видят или ощущают несколько человек, вероятность глюка снижается. Но

– перекрывается знанием, что в мире много непонятного. Сколько не ищи ответы на необъяснимое, все упрется в древнее «Я знаю, что ничего не знаю».

Новые мысли вызывали мороз на коже, доказательство существования невидимки – первая ступень больших событий. Логика говорит, что невидимка, если он существует, то вряд ли единственный в своем роде. Где один, там и другие. От такого знания на душе становилось неуютно. Вот почему ученые отрицают летающие тарелки, а историки – факты, не влезающие в принятую канву. Со стороны похоже на ребенка с измазанным в шоколаде лицом, который упорно утверждает, что не лазил в шкаф за конфетами. Ученые вмиг перестанут быть учеными. Признание одного факта допустит существование остальных, это столкнет лавину, которая погребет под собой все научное сообщество.

Итог неутешителен. Нужно либо сомневаться в собственном рассудке и не верить глазам, либо признать наличие иного мира, который вмешивается в дела нашего. И неважно, инопланетяне это окажутся, параллельная человечеству цивилизация или известная по сказкам нечисть. Кстати, как ни хотелось верить во что-то высшее, пропажу шашлыков и купальников объясняла только версия про нечистую силу. Фольклорная нечисть, как известно, любила пошалить.

Если отбросить глупую версию «привиделось», что остается? Существование чего-то, о чем науке неизвестно либо она старательно эти сведения замалчивает. Чтобы не засмеяли и не приняли за двинувшегося крышей, Ник боялся рассказать об увиденном даже лучшим друзьям, от которых не зависел ни карьерой, ни зарплатой – что же говорить про ученых, когда им на стол попадают факты, которые не укладываются в принятую логику?

Получается, что даже найденный около озера и представленный миру невидимка будет официально отрицаться, а нашедших его объявят фальсификаторами или умалишенными. И так до тех пор, пока неизученные сущности не натворят чего-то ахового по типу того, что показывает Голливуд.

Но ведь не натворили? Неизвестно, сколько поколений они живут рядом с людьми, никак не проявляя себя. Время идет, а ничего страшного не происходит. Пусть невидимка – представитель иной цивилизации, с которой человечество никак не пересекалось. Однозначно, что он не один. И никто о них ничего не знает?! Отсюда ответ всем тревогам: привидевшееся – скорее всего выдумка мозга или разовое явление природы. А в случае принятия самой невероятной гипотезы угрозу несут не невидимки человечеству, а наоборот. Как и произошло с конкретным представителем, решившим, что в поле, где сельскохозяйственная техника не появится до весны, люди его не достанут.

Судя по всему, опасаться нечего. Надо только не расслабляться и хорошенько смотреть по сторонам.

Ник потянулся и вылез наружу. Образовавшийся под утро туман рассеивался, лагерь в голом поле выглядел тускло и неряшливо. От воды несло холодом, вчерашнее купание Анфисы воспринималось вымыслом из той же серии невероятностей, что и невидимое нечто, бродившее по округе и катавшееся на верхнем багажнике машины.

Внедорожника не было. Толик с Луизой укатили под утро – звук взрыкнувшего мотора и удалившееся шуршание шин на мгновение разбудило всю компанию. Каждый приоткрыл глаза и вновь закрыл, равнодушно или бессильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.